

Татьяна Джангир
КАРНАВАЛ

Татьяна Жангир

Карнавал. Исторический роман

«Издательские решения»

Джангир Т.

Карнавал. Исторический роман / Т. Джангир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851971-0

Ода прекрасному городу, великой Республике, неповторимому памятнику старины. Книга должна привлечь внимание общества к сохранению бесценного наследия, оставленного гениями архитектуры и искусства. Не дать погибнуть жемчужине Адриатики, сохранить для мира великолепный город, бесценные и неповторимые произведения архитекторов и зодчих прошлых времен, художников, сделавших венецианскую школу королевой цвета и света мировой живописи.

ISBN 978-5-44-851971-0

© Джангир Т.
© Издательские решения

Содержание

Карнавал	6
Венеция XVIII века. Мастерская карнавальных масок	7
Венеция XI века. История любви	16
София и Альберто. Начало истории	20
Мари и Андре. Энрико Дандоло	28
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Карнавал Исторический роман

Татьяна Джангир

© Татьяна Джангир, 2017

ISBN 978-5-4485-1971-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Карнавал

Венеция. Мекка для художников, поэтов и лириков. Кто не мечтает попасть, хоть раз в жизни на знаменитый Венецианский карнавал, проходящий по старинной традиции, в конце зимы, и поглазеть на толпу роскошно одетых горожан и гостей города, прячущих лица под затейливыми масками, каждая из которых имеет свое название, тайный смысл?! А, главное – историю! Еще лучше, самому принять участие в шествии и развлечениях, являющихся основой карнавала. Главное, угадать «свою» маску на этот период. Под каждой маской непременно должна быть тайна, иначе теряется смысл всего действия. Пусть карнавал в Венеции уже не тот, что был прежде, это скорее развлечение для туристов, его очарование все равно не меркнет от этого, ведь сам город, его величие, его дух, остаются прежними, несмотря на некоторую обветшалость фасадов и наступающее море. Любить или не любить Венецию – личный выбор каждого, но посетить ее обязательно надо. Это уникальный и единственный в своем роде город в мире. Понять его до конца не сможет никто, это слишком сложная загадка для современного путешественника. Но если есть желание, хотя бы прикоснуться к ее тайнам, надо смело ехать туда и погружаться в ее сказочную атмосферу.

Венеция XVIII века. Мастерская карнавальных масок

София долго уговаривала своего любимого подарить ей на день рождения поездку на карнавал в Венецию. Он никак не хотел понять, почему из всех предложенных ей на выбор путешествий она упорно выбирала только Венецианский карнавал, хотя в списке он не значился. Ему хотелось поехать в теплые страны, предаваться неге и любви среди вечнозеленых растений, уютных пляжных шезлонгов и дружелюбного, теплого океана, а после – на роскошной яхте, что предлагала туристическая компания. Но София ничего не хотела слушать, никакие доводы и заманчивые предложения ее не убеждали. Только Венеция или ничего!

– Но в чем дело, почему? Мы могли поехать туда весной или осенью, когда там комфортная погода и тепло!?! – настаивал Александр.

– Я знаю, это будет волшебная поездка, я это чувствую! – слегка прикрыв глаза, ответила София.

– Хорошо! Все же, это твой подарок! Я не имею права настаивать! – разочарованно говорил Александр, выходя из спальни и направляясь в прихожую, чтобы одеться и ехать в офис.

София сладко потянулась, обнажая красивую грудь и повернувшись к окну, стала думать о том, как окажется в обворожительном наряде на площади Сан Марко, рано утром, когда она еще не наполнится шумной толпой. Только голуби, непременно топчущиеся там вместе со случайно залетевшими чайками и пустые столики кафе, которые на ночь не убирают с площади. Она хотела надеть золоченую, обрамленную красивыми перьями, маску, непременно украшенную полудрагоценными камнями разных цветов, но найти такую в простом магазинчике масок, которых в Венеции несметное количество, было совершенно невозможно. Ее надо было заказывать мастеру, и не простому, а Мастеру, из династии мастеров, хранящих секреты изготовления настоящих карнавальных масок от своих предков, столетиями. Это не просто маска из папье-маше, это настоящая маска из кожи, покрытая сусальным золотом и точно повторяющая изгибы лица, чтобы даже не чувствовалась, а лежала на лице, как вторая кожа.

– Но где, же мне найти такого мастера? Наверняка в путеводителе не значится его адрес! – размышляла София, представляя, как бродит по улочкам Венеции, жадно выискивая крошечную вывеску неизвестного мастера. Она никогда не была в этом городе, лишь представляла, как он выглядит, руководствуясь путеводителем, кратко описывающим историю города и его основные достопримечательности. Но она точно знала, что это лишь уловки некоторых турагентств, отелей и небольших ресторанчиков, размещающих там свою рекламу под видом описания лучших мест в городе. Она знала, что весь город, каждое его строение, мостик, ступеньки к причалам, даже столбики, к которым привязывают гондолы – это все огромная историческая и архитектурная ценность. В этом городе нет ничего, что могло бы быть неинтересным! Город, полностью сохранивший свой облик со времен средневековья – огромный бриллиант на карте мира. Он необычен и прекрасен, одновременно открыт и стеснителен, в разные периоды может быть слишком шумным и разгульным, а в какое-то время тихим и задумчивым. Город с душой, которая слишком добра и прекрасна, чтобы этого не почувствовать. София знала точно – она полюбит Венецию всей душой и будет возвращаться туда снова и снова, как только появится возможность. Она обойдет все 119 островов, на которых стоит город, пусть не в один приезд, но обязательно найдет возможность. Посмотрит своими глазами, как вода наступает на город, а потом, словно сжалившись над этой вечной красотой – отступит, увидит Венецию в тумане и, купающуюся в солнечных лучах и бликах воды, отражающей ее большие окна-глаза с люстрами-зрачками из муранского стекла. Местные жители испокон веков славились своей любовью к роскоши и стремились показать ее всему миру, строя дома с такими большими, словно витрины магазинов, окнами. Видимо именно они были предками нынешних панорамных остеклений. И окунуться в эту роскошь – огромное счастье! Венеция особенная,

она другая, удивительная, единственная и неповторимая! И не влюбиться в нее невозможно! Представляя все это, София закрыла глаза и окунулась в сладкую дрему-спектакль, со своим участием. Она видела город издали, но не могла дотянуться до него! Хотела прикоснуться к куполу Собора Санта-Мария делла Салюте, но он, казалось, убегает от нее, прячется в дымке, вновь появляется, а затем исчезает вовсе. Ни с того, ни с сего, из тумана появился силуэт мужчины в черном плаще, треуголке и маске-баутте, в движении которого угадывалась суетность и опаска. Почему-то она подумала о герое-любовнике Джакомо Казанове. А что еще могло прийти на ум, когда видишь во сне Венецию с полотен Пьетро Лонги и Джованни Каналетто? Интересно было тайком понаблюдать за этим таинственным героем средневековья. София, как будто услышала чей-то шёпот:

– Ты должен принести мне золотую маску Марии-Антуанетты!

Незнакомец резко обернулся в сторону окна, из которого, по-видимому, доносился шёпот и замер. Он помолчал некоторое время, скорее всего ожидая, что таинственная особа укажет место, где находится загадочная маска, но никаких звуков больше не было, только легкий шелест воды, бьющейся о фундамент зданий. Он постоял неподвижно пару минут и неожиданно быстро юркнул в пришвартованную неподалеку гондолу. Гондольер, словно ожидая отмашки, тотчас же рванул на себя весло и направил лодку в сторону Гранд – канала. Незнакомец исчез так же, как и появился – неожиданно и быстро.

– Что же это за маска? – вслух спросила себя София, – Должно быть она обладает какими-то уникальными свойствами, иначе, зачем та дама просила найти ее таким тихим голосом, а сама пряталась в темноте штор?

София вдруг оказалась в какой-то незнакомой комнате, где все убранство заключалось лишь в двух огромных креслах, двухместном диване, буфете с резными украшениями и необыкновенно красивом камине, сделанном в стиле раннего ренессанса. Она уселась в мягкое кресло темно-бордового бархата и стала напряженно думать, где ей найти информацию о чуде – маске.

– Мастера, которые делают маски, точно должны знать о ней! Вот мне и надо найти самую старую мастерскую в городе! – решила она и резко встала.

Часы пробили полночь, а это говорило о том, что город уже погрузился в свои ночные тайны и стал мертвенно тихим и практически недоступным. Значит, надо было дожидаться утра и начинать поиски. С чего начать, она решит рано утром, когда пойдет на рынок, чтобы купить свежих фруктов. Там точно можно найти кого-нибудь, кто подскажет направление поисков.

Утро ослепило ее столь неожиданно, что она даже не поняла, когда успела лечь в постель, а главное, найти спальню в незнакомом доме и уснуть накануне. Резко откинув одеяло, София встала, подошла к окну, распахнула шторы и посмотрела на пьянящую розово-серую дымку над каналом, частично укрывающую близлежащие дома от пристального взора. Она смотрела вниз и видела фасады дворцов, словно опрокинутые в водную гладь, которая искрилась всеми цветами радуги от их позолоты, мозаики и мраморных инкрустаций.

– Боже! До чего же ты прекрасна Венеция! – крикнула она куда-то вдаль.

Ответа не последовало, лишь громче плеснула о стену дома волна, набежавшая от неспешного прохода по каналу кораблика-ладьи, словно никем неуправляемым, настолько укрывала его дымка. Это было похоже на довольную улыбку города в ответ на такое трепетное признание, хотя звучало оно тысячи раз ежедневно. Ведь не влюбиться в Венецию невозможно. Это самый красивый город на воде, слишком похожий на декорацию старинного театра, и слишком волшебный, чтобы не поддаться его чарам.

София отправилась в ванную, наскоро привела себя в порядок, выходя, схватила в прихожей накидку и вышла на узенькую улочку, которая вела через крошечный мостик к такой же крошечной кампизелли с маленькой, но очень элегантной церквушкой. Она не хотела терять время и бегом направилась по единственной дорожке, выходящей к каналу, чтобы понять, куда

ей двигаться дальше. Город она не знала и уповала лишь на короткие знания, приобретенные изучением книг по истории и путеводителей. Увидев большой пешеходный мост, она направилась к нему, понимая, что он является одним из центральных мест в городе, и там обязательно найдется человек, кто укажет направление к рынку. Это оказался мост Реальто, у которого уже стояли прилавки, украшенные горами колотого льда, на котором возлежали, казалось все обитатели моря, которых она знала. Мелкие креветки, лангусты, устрицы, диковинные каракатицы и еще много всяких морских гадов. Шум стоял хоть и небольшой, но достаточно сильный, чтобы понять – это местный рыбный рынок. София, недолго думая направилась к самому взрослому из торговцев и, поздоровавшись, почему-то по-итальянски, хотя ни слова из этого языка не знала, спросила его на английском языке: «Вы хорошо знаете Венецию?»

Торговец был искренне удивлен, даже обескуражен подобным вопросом, но сдержанно ответил – «Да, синьора, достаточно хорошо!»

– Скажите, где я могу найти самого лучшего мастера, который владеет искусством изготовления карнавальных масок? И делает их из кожи, а не из бумаги! – быстро, пока он не опомнился, спросила София.

– Я знаю одного мастера, но он живет далеко отсюда, примерно в получасе ходьбы! Если хотите, могу Вас направить к нему с моим племянником, он как раз скучает здесь без дела!

– Разумеется! Буду вам обоим очень благодарна! – радостно улыбаясь, ответила София, – Идемте же немедленно, пока он никуда ушел!

– Ну, куда же он пойдет в такой ранний час? К тому же, он слишком любит свои маски, чтобы бросать их в одиночестве более 15 минут! – с довольной улыбкой ответил торговец, – Это мой дядюшка. Я не помню, чтобы он покидал свой дом больше, чем на полчаса, и то в том случае, если кто-нибудь находился в нем. Иначе он никуда не выйдет!

Из-под прилавка выглянул симпатичный мальчуган, лет десяти и с любопытством разглядывал Софию, потом медленно вышел, кивком головы указывая ей направление, куда надо идти. София пошла вслед за ним, удивляясь собственной доверчивости. Но назад пути уже не было и она, повинувшись своей страсти, пошла дальше, лишь только мечтая отыскать нужную ей диковину. Не глядя на название улиц, не разглядывая витрины мелких лавочек, мелькающих одна за другой мимо ее глаз, София шла за мальчишкой и думала о том, как начать разговор с мастером, чтобы не спугнуть его и получить нужную информацию. Минут через двадцать, мальчик остановился около небольшого дома, вход в который был настолько узким, что София боялась просто не протиснуться, сквозь него. Словно читая ее мысли, мальчик сказал: – Сеньора! Вам надо обойти этот дом и сбоку будет другая дверь, более широкая!

– Спасибо малыш! – шепнула София и сунула мальчику в ладошку монету, непонятно откуда взявшуюся в ее кармане.

Мальчик подпрыгнул на месте и что-то присвистнув, побежал обратно, видимо на рынок. София осторожно, чтобы не повредить одежду о шероховатую стену, обошла дом в указанном направлении и постучала в деревянную, слегка покрытую мхом дверь. Никто не ответил, и она постучала громче. И снова тишина. Она толкнула дверь и та, со скрипом открылась.

– Странно! – подумала София, – Ведь торговец говорил о крайней осторожности мастера!?

Она вошла внутрь и стала, практически на ощупь, подниматься по скрипучим ступеням на второй этаж, где как будто должен был находиться хозяин дома. Но не успела она преодолеть первый пролет, как навстречу ей выскочил тот самый незнакомец, что стоял прошлой ночью у дома напротив и, резко толкнув ее, что она ударилась о перила и вскрикнула, выбежал на улицу. София так и стояла, не в силах сдвинуться с места, пока из двери на втором этаже не выглянул старик, с испуганными глазами и всклокоченными волосами, видимо только встал с постели.

– Вы видели мужчину, что выбежал из моего дома? – спросил он хриловатым после сна голосом.

– Да, мистер, я видела его еще вчера, недалеко от моего дома! – машинально ответила София.

– А Вы кто? – удивился старик.

– Я туристка, ищу мастера, чтобы он сделал мне красивую маску для карнавала! На рынке мне подсказали ваш адрес...!? – невнятно ответила София и с ужасом стала ждать дальнейших действий старика.

– Заходите, быстро! – буркнул старик, исчезая в темноте своего жилища.

София опрометью метнулась вслед за ним, чтобы успеть перед закрывающейся дверью и через мгновение оказалась внутри помещения, ничем не напоминающего жилье. Повсюду висели какие-то куски ни то бумаги, ни то кожи, на многочисленных полках лежали инструменты, рулоны цветной фольги, ткани, мешочки с украшениями и прочие непонятные ей мелочи что, по-видимому, должны быть в любой мастерской. Она огляделась и решила войти в единственную дверь, которая была видна в конце узкого коридора, в который переходила большая комната мастерской. Старик суетливо перекладывал что-то в той комнате и благодаря этому шороху, София смогла понять, что там есть еще довольно просторное помещение, иначе звук не был бы таким долгим, как эхо. Она остановилась в дверях, ибо двинуться с места уже и не смогла бы. Комната напоминала музейную экспозицию, только уж очень насыщенную для комфортного осмотра. Это было хранилище готовых работ мастера, не знавших аналогов, это точно, настолько все маски были прекрасны! София просто лишилась бы чувств от такого великолепия, если бы не оклик старика.

– Что Вы стоите, что Вы стоите? Помогайте же мне, я не могу удержаться на стуле! Подойдите и поддержите меня!

София, словно очнувшись от сна, подбежала к старику и, одной рукой поддерживая спинку стула, другой взяла его под локоть, помогая спуститься на пол.

– У Вас что-то пропало? – тихо спросила она.

– Слава богу, нет! Точнее, что-то наверняка пропало, неспроста же это проходимец ворвался в мой дом, но не то, что могло пропасть! – тяжело дыша и, присаживаясь на край стула, ответил старик.

– Я поняла! Он приходил за какой-то особенной маской, правда? – спросила она старика.

– Меня зовут Марио! – представился старик и поднял свои выцветшие, но очень добрые светло-голубые глаза, с восторгом разглядывая ее взволнованное лицо.

– Меня – София! – краснея, ответила она.

– И для чего же Вы посетили меня в столь ранний час, прекрасная София? – на выдохе спросил старик, не отрывая глаз от ее лица.

– Я очень хочу, чтобы Вы сделали для меня особенную маску – ту, что я видела во сне! Она непременно должна быть из кожи, покрытая золотом и украшенная камнями самых разных цветов! И с красивой короной из перьев, обрамляющей ее «лицо»! – полушёпотом сказала София и отвернулась к окну, не в силах выдержать пристального взгляда старика Марио.

– Откуда же ты знаешь про маску святой Марии? – после минутной паузы спросил Марио.

– Я не знала, что такая маска существует в реальности, это просто моя фантазия!

– А ты знаешь, что именно за этой маской, скорее всего и приходил незнакомец? Это не просто карнавальная маска, это священная маска, принадлежавшая самой Марии...! – старик запнулся на имени Марии и стал оглядываться, словно ожидал кого-то увидеть позади себя.

– Я.. я действительно не знаю, что существует какая-то маска, которая к тому же имеет особенный смысл! – испуганно ответила София.

– Но откуда ты вообще взялась в моем доме?

– Меня прислал ваш племянник, если я не ошибаюсь!

– Флавио? С рынка Реальто?

– Ну, да, кажется! – с надеждой глядя на Марио, сказала София.

– Ладно! Успокойся! Сейчас разберемся с твоими сновидениями! – вставая, сказал Марио и стал складывать упавшие с крючков маски на специальный столик для работы с ними. София хотела помочь ему, но не решалась сдвинуться с места, понимая, что попала в какую-то странную историю. Она думала и о том мужчине в плаще, которого послала незнакомка, чтобы он выкрал эту маску.

– В чем же ее секрет? – вслух произнесла София.

Старик обернулся и вопросительно глянул на Софию, откладывая в сторону маску Коломбины, щедро раскрашенную глянцевыми красками.

– В чем секрет? Ну, вот это мы с тобой и разберем сегодня вечером! – с улыбкой проговорил он.

Старик Марио повернулся, осмотрел Софию с ног до головы, и молча вышел из мастерской. Через пару секунд, крикнул, откуда-то из темноты: «Пойдемте со мной! Разделите мой скромный завтрак!»

София без колебаний пошла за ним, ориентируясь на его голос, доносившийся откуда-то из глубины второго этажа. Мастер стоял в небольшом помещении, больше похожем на кладовку, и рассматривал верхние полки стеллажа с разными баночками и пакетами. Затем, он потянулся к третьей полке и взял небольшой пакетик с красной наклейкой.

– Этот кофе, имеет совершенно особые свойства! Его мне привозит торговец французского торгового корабля, неизвестно откуда, то ли с Африканского побережья, то ли из Бразилии – совершенно неизвестно, он хранит это в тайне! Но, бог мой, как дивно он пахнет и дает мне силы на целый день работы! Очень рекомендую Вам испробовать этот волшебный напиток! – не поворачивая головы, говорил старик Марио и устанавливал на плиту какой-то странный сосуд, совершенно не похожий на специальную посуду для приготовления кофе.

– Вы не беспокойтесь, я буду пить вместе с Вами, так что отравление Вам не грозит! – продолжал старик.

– Нет, что Вы! Мне совсем не страшно, хотя и немного любопытно! – тихо ответила София, заглядывая через плечо старика на плиту.

Через пару минут помещение окутал восхитительный запах не то шоколада с мускусом и ванилью, не то с корицей, но однозначно – пленительный и волшебный. София присела на стоявший неподалеку стульчик и терпеливо ждала, когда мастер приготовит напиток и нальет в чашки, чтобы поскорее попробовать его. Наконец, чашки были наполнены и, кроме того, на столе появился молочник и незатейливое блюдо со свежими булочками. Старик поставил рядом другой стул и жестом предложил Софии приступить к завтраку. Она кивнула в знак благодарности и потянулась за чашкой, немного медля, давая возможность Марио первому прикоснуться губами к напитку. Некоторое опасение она все же испытывала. Старик немного отхлебнул из своей чашки и замер, зажмуривая глаза от удовольствия. София тут же последовала его примеру и прикоснулась губами к воздушной пенке чудесно пахнувшего напитка. Вкус и аромат его оказались одинаково волшебными. Она даже вздохнула от удовольствия.

– Чудесно! – сказала она вслух.

– Я знаю! – ответил мастер и протянул ей теплую булочку.

София приняла угощение из его рук, и с удовольствием откусила кусочек хрустнувшей свежей булки. Итальянцы все же знают толк в наслаждениях! Они молча пили чудесный кофе, не отвлекая внимания от получаемого удовольствия. София закончила завтрак первой и смотрела в окно, больше похожее на защитную решетку тюрьмы, просто не столь прочную и фундаментальную. Видимо, работы Марио действительно были ценными экземплярами, но тогда почему двери так легко поддались вору, выбежавшему ей навстречу? Возможно, узкий вход в фасадной части дома должен был обмануть похитителя, но это явно не сработало. А может,

к двери был заранее изготовлен ключ? Дождавшись, когда Марио поставит пустую чашку на стол, София спросила его об этом.

– Изначально, все так и задумывалось, но после, все местные жители стали заходить ко мне. Кто посмотреть маски, кто заказать для себя или подруг, и в итоге, запирает дверь накрепко стало неудобно, слишком часто приходилось ее открывать. Вот я и оставил всего один замок! – сказал Марио и тяжело вздохнул.

– Утреннее событие похоже на запланированную акцию! – сказала София, – Мне кажется, я знаю, кто это был, точнее кто его послал к Вам!

– И кто же этот наглец?

– Вчера ночью, я случайно услышала разговор этого мужчины с неизвестной дамой из соседнего дома! Я живу на Сан Сильвестро. Он стоял под ее окном и слушал, что она говорит, но ее не было видно, я лишь услышала тихий голос и просьбу принести маску!

– Определенно, это какая-то знатная особа, желающая полностью скрыть свою пагубную страсть от общества! Очевидно, уже произошло какое-то неприятное событие и ей необходимо все исправить! А быть может, она что-то задумала и не хочет быть уличенной!?! – глядя себе под ноги, говорил Марио.

– Стало быть, эта маска обладает какой-то силой, способной исправить непоправимые ошибки? – спросила София.

– Так ты, действительно, ничего не знаешь о ней? – Марио как-то неожиданно перешел на ТЫ, София даже не заметила этого, столь велико было ее возбуждение.

– Конечно нет, откуда? Я вообще впервые в Венеции и впервые хочу попасть на карнавал!

– А кто же тебя сопровождает?

– Я пока одна, но скоро ко мне присоединится мой любимый мужчина!

– То есть, любовник?

– Нет, он намного больше значит для меня, но определить точно его статус не могу, ведь предложения он мне пока не сделал! – смущенно ответила София и опустила глаза.

– Ты не смущайся, София! Я ничего не имею против любви искренней, тем более мой город не порицает случайные связи и грешную любовь! Так что здесь ты можешь чувствовать себя спокойно, никто вас не осудит! Главное, чтобы желание увидеть маску Марии – Софии – Антуанетты было чистым и не несло в себе тайного заговора! Иначе, она может принести такие несчастья и невзгоды, что исправить что-то будет уже невозможно! Это непростая карнавальная маска! Она обладает одной особенностью, которая помогает чистым душам и убивает души грешниц. Мария заговорила ее проклятием на случай использования ее в нечистых целях! Маска спасла жизнь ей и ее ребенку, и до сих пор никто не надевал ее, ни разу – слишком трепетно я берегу ее. Я должен рассказать тебе ее историю, и ты сможешь понять, насколько опасна или безопасна она для тебя! Я знал, что за ней должна прийти красивая девушка с именем Мария – София, и она ничего не будет знать о силе этой маски. Похоже, это ты! Я слишком долго тебя ждал, боялся, что и вовсе не дождусь, умру раньше времени, и никто больше не сможет вернуть силу этой маске! И, главное, она полностью повторит все изгибы твоего лица, словно с него делали слепок для ее изготовления! Теперь ты понимаешь, почему я согласился пустить тебя в свой дом и показать эту чудесную маску? Я узнал твое лицо!

София, широко открытыми глазами смотрела на Марио и не могла вымолвить ни слова, настолько была обескуражена его сообщением. Откуда он мог знать, что именно она должна была прийти за маской, и почему она увидела во сне маску, которая может быть именно той, о которой упомянул мастер? Мысли потоком кружились в ее голове, и она просто не могла пошевелиться, ни говоря о том, чтобы ответить старику. С одной стороны, было безумно страшно, с другой – любопытно, но страх пока преобладал над любопытством. София вообще не понимала, как ей удалось сразу же попасть к тому мастеру, который знал секрет ее маски,

да еще и обладал ею? Все было настолько мистическим и нереальным, что она никак не могла принять решения. Тишину нарушил старик Марио.

– Милая сеньорита, Вы слишком задумчивы для столь удачного для Вас дня! – почему-то снова обращаясь к ней уважительно, возможно с иронией, произнес Марио.

– Нет, нет! Я просто не могу поверить в такую удачу! И, честно говоря, я боюсь! – ответила София слишком поспешно, что выдавало ее волнение.

– Не бойся! Если маска не твоя, она просто не подойдет к лицу! И если она твоя, то ничего плохого не произойдет, а лишь то, что должно произойти! – пытался успокоить ее старик.

– Звучит не слишком убедительно! Я ведь даже не знаю, чего я хочу от этой маски! Я просто хотела попасть на карнавал и стать одной из участниц этого сказочного действия, не более! И простое желание женщины быть самой красивой на празднике еще не говорит о том, что она в чем-то грешна или хочет что-то исправить! А именно для этого и нужна та маска, о которой Вы говорите! Я люблю своего мужчину, ни разу не изменяла ему и не собираюсь этого делать! По крайней мере сейчас! Уж и не знаю, что теперь вообще со мной может произойти! – с нотками обреченности сказала София и отвернулась.

– Дорогая! Венецианский карнавал предполагает свободу от условностей и предрассудков! Все предаются любви и радуются жизни не зависимо от своего статуса и социального положения! В этом весь смысл! Маленький город имеет один большой недостаток – все знают всё о каждом жителе! И только во время карнавала появляется возможность стать неузнаваемым, благодаря маскам, которые полностью скрывают лица, а карнавальные костюмы – тела! – успокаивающим тоном говорил мастер.

– А разве я не могу изменить традицию лично для себя?

– Просто окупись в атмосферу праздника, а что произойдет с тобой во время карнавала, должно произойти само собой и ты не должна этому мешать! Это закон!

– Поняла! Вот только что может со мной произойти, если я собираюсь на карнавал с кавалером?

– Это не имеет значения! Надо просто повиноваться судьбе! – сказал Марио и встал, чтобы убрать чашки.

Пока он увлечено расставлял посуду по местам, София судорожно размышляла о том, как ей себя вести дальше! Уйти она не могла, но и подчиниться воле какой-то безмолвной маски было для нее полным безрассудством. Но она понимала, что изменить это уже не в ее власти. Если она находится здесь, значит пути назад уже просто нет. Следовательно, остается только слушать, что говорит старик и все точно запоминать, чтобы не остаться в этом иллюзорном мире навсегда.

– Я расскажу тебе историю этой маски, она совершенно сказочная и невероятно реальная одновременно! Поверить в нее трудно, но и разгадать тайну, не приняв условия игры невозможно! И повторяю, ты оказалась здесь неслучайно!

– Я хочу услышать историю маски! – сказала София, – Только сначала, покажите мне ее!

– Пойдем со мной! – с добродушной, успокаивающей улыбкой проговорил Марио и, увлекая Софию вслед за собой, пошел к лестнице, ведущей на верхний этаж.

Они поднялись по старой скрипучей лестнице на верхний этаж, который оказался мансардой с довольно низким потолком и одним маленьким окошком, слабо пропускающим свет внутрь небольшого, даже немного тесного помещения. На дощатом полу, который никогда не видел краски или хотя бы защитного слоя лака, отчего казался затоптанным до черноты, были разложены куски кожи, по-видимому, для высушивания или с какой-то другой целью лежали на ровных кусках плотной бумаги. В углу стоял небольшой стол, заваленный разнообразными рисунками и кусочками цветной ткани, а рядом, в корзине, словно в цветочной вазе стояли длинные перья, выкрашенные в яркие цвета. Под столом стояла невысокая табуретка

с яркой, бархатной подушечкой, на вид такой удобной, что хотелось сразу сесть на нее и вдохновляться увиденными образами.

София подошла и села на табуретку, не спрашивая разрешения у мастера. Рисунки на столе были такими красивыми, что невозможно было оторвать глаз от райских птиц, изображенных среди диковинного сада. София все больше погружалась в атмосферу сказочного мира, в который она каким-то непостижимым образом попала, словно во сне.

– Кто это рисовал? – спросила София.

– Моя дочь! Она иногда приходит ко мне в мастерскую, чтобы выполнить домашнее задание. Она учится в Академии искусств! – с гордой улыбкой ответил Марио.

– У нее определенно талант! Хорошо, что Вы отдали ее учиться!

– Да, вот только мне это дорого обходится! Но я не жалею, ведь она – моя любимая девочка!

София рассматривала рисунки и думала о том, как ей быть. Примерять маску она опасалась, но любопытство все равно брало верх. Она решила поддаться воле случая и надеть маску. Будь, что будет! Тем временем, мастер вышел из комнаты и спустился вниз. Он вернулся через несколько минут, держа в руках необыкновенной красоты маску. Вся полностью позолоченная, с красивыми, миндалевидными вырезами для глаз, обрамленная выкрашенными золотой краской перьями и, самое главное, вся усыпанная самоцветами, как мечтала София. Маска была, словно живая, потому что под разными углами ее мимика менялась.

– Что это? – думала София, – Мне кажется или она мне подмигивает? Мистика какая-то!

Марио подошел к ней и долго изучал лицо. Он рассматривал каждый изгиб ее лица с такой дотошностью, словно пытался зрительно сделать с него слепок.

– Почему Вы так на меня смотрите? – спросила София, поглядывая то на мастера, то на маску.

– Это точно ты! Маска – твоя! – тихо проговорил он.

София медленно протянула руку и осторожно, словно хрупкий стеклянный сосуд, взяла маску из рук мастера. Она почувствовала дрожь в своих руках и решила присесть на стульчик, что стоял у стола, на котором она некоторое время назад сидела и спокойно рассматривала рисунки дочери Марио. Маска, отражая редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь полузакрытые ставни окон, бросала цветные блики на стены, потолок и пол небольшой комнаты, превращая помещение в волшебную шкатулку с драгоценностями. София чувствовала себя маленькой девочкой, попавшей в сказочную страну и превращающуюся в принцессу. Ей казалось, что если она наденет маску, то исчезнет эта комната, Марио, и дом превратится во дворец, мастер – в короля, а она в сказочную красавицу, попавшую на бал-маскарад. Ее мечты прервал голос мастера.

– София! Пора примерить маску! Нам надо еще сшить наряд для тебя! Скоро карнавал, у нас мало времени!

Она встала и подошла к окну, в отражении которого смогла увидеть себя. Все еще не решаясь надеть маску, смотрела на нее и удивлялась красоте этой старинной вещи. Потом все же нашла в себе силы и надела маску. Она действительно, точно повторяла форму ее лица и лежала, словно вторая кожа. К тому же, несмотря на обилие украшений, маска совсем не ощущалась на лице, только запах, едва уловимый запах времени, выдавал ее присутствие. София вдыхала этот запах и получала неведомое наслаждение, будто он ей уже был знаком. Она повернулась к окну, чтобы посмотреть на свое отражение и замерла в оцепенении. В стекле отражались только блики, которые отбрасывали драгоценности маски. Ни Софии, ни маски в отражении не было! София стояла, не шелохнувшись, не в силах даже разговаривать. Ей хотелось закричать, но голос пропал. Она видела в стекле, как к ней подходит Марио, его отражение было очень четким, что доказывало именно то, о чем подумала София.

– Марио! – хриплым от волнения голосом, сказала София, – Что со мной?

– Девочка! В этом и заключается секрет маски! Именно поэтому она вызывает столь сильный интерес у слабого пола, который слишком многое хочет скрыть от общества! Наш город слишком мал для существования каких-либо секретов, и спрятаться здесь почти невозможно!

– Но я не нуждаюсь в исчезновении плоти! Мне нечего скрывать! Меня никто здесь не знает! Почему я? – удивлялась София, но не снимала маску, которая просто стала частью ее лица, ее тела, которого уже не было в реальности.

– Это не совпадение, моя девочка! Чудесное свойство маски проявляется не для всех! Ее могут носить только избранные, и тебя эта маска ждет вот уже два столетия! Ты – избранная и у тебя есть миссия! – тихим голосом, словно боясь, что стены или мебель мастерской могут услышать его секрет, говорил Марио.

– Какая миссия, Марио? Я не хочу никому служить, я просто хотела попасть на карнавал! Я не уверена, что все это для меня! – едва сдерживая слезы, говорила София и попыталась снять маску.

– Подожди, не снимай ее! Сейчас я расскажу тебе ее историю и сможешь решить, что делать дальше!

София ничего не ответила, отошла от зеркала и опустилась в большое уютное кресло, стоявшее недалеко от окна. От полученного шока она уже не могла ничего ни говорить, ни делать. Она смотрела сквозь глазные отверстия маски на Марио и пыталась настроиться на позитивное восприятие информации, которую должна была сейчас получить. Осознать, что она находится в каком-то иллюзорном мире, не представлялось возможным, ведь она ощущала предметы, видела пространство, чувствовала запахи. Как же все это может быть наяву? И она решила выслушать старика, а уж потом думать, принимать правила игры или нет.

Венеция XI века. История любви

Венеция была основана в 421 году 25 марта, в день Благовещения Девы Марии! Именно с этим связана история нашей маски! Легенда о Деве Марии наполнена всякими фантастическими вымыслами, но главным было то, что она покровительствовала женщинам, беззаветно любящим своих мужей, любящим, как Господа своего, Христа! Как ты понимаешь, таких женщин было не так много в Венеции, ведь здесь принято было выходить замуж только по расчету. Именно поэтому, впоследствии, среди всеобщего разврата и праздности, встречались, чуть ли не единичные случаи истинной любви, которой никогда не суждено было обрести формы семейной идиллии. Чтобы иметь возможность встречаться со своими возлюбленными, женщины вынуждены были скрываться под роскошными маскарадными масками, а мужчины кутаться в длинные черные плащи, прикрывая головы широкополыми шляпами-треуголками и белыми масками – Баутами. К слову сказать, носить маски постоянно вскоре запретили, в связи с участившимися случаями грабежей, и надевать их можно было только во время ежегодных карнавалов, первый из которых устраивался по случаю спасения девушек-венецианок из плена, а впоследствии, они стали традиционными. Знать веселилась с простолюдинами, никто не ведал различий, все предавались веселью и разврату. Это было счастливое время для влюбленных! Мари-София жила в то время, когда карнавалы проводились раз в год и еще не были столь роскошными, как в последующие столетия. Она была замужем за тогдашним правителем республики, что не позволяло ей иметь ни собственного мнения, ни какой-либо свободы, даже в мыслях. Ее возлюбленным был французский капитан, сопровождавший адмирала французского флота на Большом Совете во дворце Дожей (дож, от латинского *dusa* – король), где решалась судьба Венеции после войны, изрядно потрепавшей жителей и сам город, и опустошившей казну республики. Он увидел Мари на балу, устроенному в честь доблестных побед и окончания оккупации Венеции. Она почти не танцевала и, в конце вечера, собираясь покинуть зал, обронила веер. Андре, заметив это, подбежал и поднял диковинный аксессуар, украшенный разноцветными перьями и красивыми жемчужинами розового цвета. Он склонил голову и подал ей веер, смущенно выглядывая из-под длинных иссиня-черных ресниц. Он был настолько красив и великолепно сложен, что не обратить на него внимания было совершенно невозможно. Его пронзительный, томный взгляд сковывал и лишал самообладания. Правильный овал лица, красиво очерченные брови, ровный, хотя несколько длинноватый нос, но это его совершенно не портило, лишь придавало сексуальности. Миндалевидные карие глаза и чувственные припухлые губы совсем не лишали брутальности его облик, только вызвали нестерпимое желание поцеловать его. Все дамы в зале, время от времени поглядывали на него, стараясь не выдать своего интереса. Мари приняла веер, поблагодарила капитана и, немного задержав взгляд на его мундире, тихо спросила: «Ваше имя, капитан!?»

– Андре Эдискье, мадам! – ответил капитан и попытался поцеловать ей руку.

Но Мари резко повернулась и пошла в сторону выхода, кивком призывая своих слуг, сопроводить ее. Андре, постояв в недоумении некоторое время, все же решил последовать за ней, не в силах бороться с нахлынувшим чувством. Он незаметно покинул зал и отправился вслед за Мари, стараясь не выдать своего присутствия. Главным для него было выяснить, где живет прекрасная дама и запомнить окна ее спальни. Нет, он не собирался нарушать покой столь знатной особы, но одно знал точно: он обязательно найдет возможность встретиться с ней и признаться в своих чувствах. Безусловно, он не мог не знать, насколько сложно будет осуществить этот план, но любовь нахлынула с такой силой, что разум не мог справиться с этими чувствами. Заметив свет в окнах третьего этажа дворца, куда вошла женщина со своей свитой, Андре понял, что это и есть ее покои. Остаться дольше на улице он не мог, и со счастливой улыбкой на лице, вернулся на бал, где провел остаток ночи, но думать о чем-то, кроме пред-

стоящей встречи с Мари, уже не мог. Опасность этой встречи лишь усиливала чувства, и он каждый раз ощущал прилив адреналина при мысли о том, как касается ее руки.

Мари же, вернувшись в свои покои, неожиданно для себя подумала о том, как хорош этот капитан, и как должен быть сладок его поцелуй! Она не любила мужа и вообще, никогда никого не любила. Ей неизвестны были чувства к мужчине и страсти ни к кому она не испытывала. До этого вечера. Закрыв глаза, она вдруг ясно представила себя в объятиях Андре. Он нежно гладил ее по волосам, прикоснулся к щекам, губам, проводил большим пальцем по гладкой коже ее шеи и опускался ниже, к ложбинке груди, вызывая такой прилив желания, что она резко поднялась в постели и, открыв глаза, полные испуга и страсти одновременно, почувствовала, как покрывается влагой спина.

– Боже! Что это? Дева Мария! Спаси и сохрани! – прошептала она и, встав с постели, подошла к образу Девы Марии.

Так начался красивый роман Мари и Андре, не предвещавший обоим ничего хорошего в случае, если бы об этом узнал дож. Однажды, Мари встретила в церкви старушку, которая позвала ее и очень тихо сказала: «Ты можешь стать счастливой, и никто об этом не узнает, если найдешь гробницу Антуанетты на острове Торчелло. Она находится в подвале церкви Санта-Фоска. Там внутри, есть две мозаики. Ты найдешь ту, на которой изображена плачущая Мадонна и аккуратно снимешь несколько камушков с нее, затем, спустишься вниз и попробуешь вскрыть гробницу. В ней должна еще сохраниться ткань, в которую завернуты драгоценности Антуанетты. Если они там – тебе повезло! Ты возьмешь и ткань и драгоценности. Из всего этого старый мастер, что живет в хижине у моря на острове Мурано, ты легко его найдешь, сделает для тебя маску! Надев ее, ты сможешь стать счастливой!»

Старуха отвернулась и довольно быстро, несмотря на свой возраст, покинула церковь.

Мари осталась стоять, до конца не веря во все услышанное. Но через пару минут, словно одумавшись, вскинув взор к куполу собора, прочитала молитву и вышла на площадь, жадно вдохнув свежий воздух. Она уже перестала понимать, что с ней происходит, и решила отдаться на милость судьбе. Ее муж должен был отправиться во Францию через несколько дней, и Мари могла спокойно посетить все места, о которых говорила старуха, хотя бы просто из любопытства.

Встав рано утром, на следующий день после того, как галера дожа покинула пределы Венеции, Мари стала готовиться к прогулке в Торчелло. Она сообщила прислуге, чтобы готовили гондолу, и отправилась принять ванну. Позавтракав, она готова была выйти, как неожиданно увидела рядом со ступенями, спускающимися к воде, другую гондолу, из которой на нее смотрел Андре, не скрывая восхищенного взгляда безумно влюбленного мужчины. Мари дала ему знак не приближаться и, делая вид, что сосредоточена на своем платье, приподняв его, спустилась по ступеням и села на мягкий диван, обтянутый бордовым бархатом, установленный в гондоле так, что ее лица не было видно из проплывающих мимо других лодок. Над головой ее вздернулся специальный полог, и она совсем скрылась из поля зрения всех окружающих. Ее служанки сели рядом, и гондола отчалила от пристани.

София, полулежа в кресле, прикрыла глаза, и ей казалось, что маска, скрывающая лицо, словно легким пледом укрывает все ее тело. Слушая повествование Марио, она погрузилась в легкую дрему, и постепенно, все образы, описываемые им, она видела все отчетливее, как – будто смотрела кинофильм. Неожиданно Марио прервал свой рассказ, но София продолжала лежать с закрытыми глазами, представляя, как гондола Мари плавно скользит по каналу, как вода снова и снова расступается под ее днищем, словно приглашает ее опуститься в мягкую пустоту. Вода имеет бледно-зеленый оттенок, берега не более метра высотой, быстро проплывают за створчатыми оконцами гондолы, словно их кто-то протягивает на фоне расписанной пастельными красками стены. Всплеск за всплеском отсчитываются удары весла, слегка под-

нимающегося над бортом лодки каждый раз, когда ее серебряный нос врезается в воду. Впереди – только длинный канал, позади уменьшающиеся четыре-пять куполов, бледных и поглощающих туманной дымкой, а за ними по всему горизонту уже выросли розовато-бежевые тени цвета лепестков увядшей розы.

После небольшой паузы, Марио продолжил свой рассказ, видя, как София чуть заметно шевельнулась, всполошив крошечные искорки, отскакивающие от маски с каждым ее вздохом.

– Гондола Мари причалила к небольшому помосту у ступеней какого-то здания, и гондольер открыл полог, чтобы помочь ей выйти из лодки. Слуги последовали за ней, не скрывая своего любопытства, то и дело оглядываясь по сторонам, словно ожидая чьего-то появления. Зданием этим была часть монастыря, от которого начиналась дорога, больше похожая на тропинку, которая вела к восьмиугольной церкви Санта Фоска. Колонны окружающей ее галереи были из чистого греческого мрамора, а их капители украшены изящной скульптурой. Этот храм не был ни помпезным, ни роскошным. Сразу было видно, что строили его изгнанники и страдалцы, дабы найти в нем убежище и восхвалять господу в истовой и печальной молитве. Храм, который не привлек бы взора врагов своей пышностью и не вызвал бы горькой скорби ярким контрастом с теми храмами, что были разрушены на их глазах. Ведь Торчелло стал убежищем для многих несчастных, что вынуждены были спастись от рабства и насилия. Но было видно, что строители пытались воссоздать те формы храмов, которые они когда-то любили.

Мари вошла в храм с бокового входа, который был открыт в это время суток, и сразу стала осматривать стены и своды, в поисках упомянутой мозаики. Она восхищенно смотрела, как свет проникает в собор совершенно свободно, озаряя каждую скульптурную деталь. В этом было что-то особенно трогательное. Церковь, построенная скорбящими людьми, светлая и солнечная в любое время суток. Этим людям не нужна была тьма, они, видимо, вовсе не могли ее выносить. Первой, что она увидела, была мозаика приглушенных тонов, но без искусственных теней и темных цветов, на которой изображен страшный суд. Она отпрянула от изображения и, словно боясь, что внезапно окажется одной из действующих персонажей, прикрыла лицо накидкой. Не оглядываясь, она пошла к противоположной стороне храма и увидела то, что искала. Мадонна, изображающая скорбь, вызвала в ней весьма противоречивые чувства. С одной стороны, можно было опасаться божьей кары за столь легкомысленное поведение по отношению к своему мужу, но желание обрести счастье перебороло страх, а с другой стороны, можно было попробовать вымолить милость Всевышнего в борьбе за истинную любовь. Пространство возле фрески было радостным и прозрачным, и воспринимать ее хотелось с надеждой, а не с трепетом. Она смело подошла к мозаике и достала из подвешенного к юбке мешочка, шило. Снять кусочек мозаики с краю не составило большого труда. Мари быстро спрятала заветный хрусталик голубого цвета в мешочек и, убедившись, что ничего не испортила во внешнем виде, перекрестившись, вышла из храма. Теперь надо было найти гробницу, а это задача была уже посложнее, особенно, что касалось проникновения внутрь гробницы. Мари отослала слуг на задний двор и направилась к другой стороне храма, что выходила к морю. На ступенях стоял невысокого роста мужчина и сметал невидимую пыль с мраморных колонн. Мари хотела пройти мимо, но мужчина неожиданно обернулся и окликнул ее. Мари вздрогнула и тихо поздоровалась с ним. Ей ничего не оставалось, как объяснить цель своего визита.

– Я ищу гробницу Антуанетты!

– А, конечно, синьора! Я могу проводить Вас к ней! Я только что очистил землю вокруг от травы и сорняка! Небольшая проблема: гробница покосилась от постоянного давления ветра и проникновения воды, а на задней стенке образовалась трещина! Необходима осторожность. Неясно, как долго гробница сможет оставаться в целости, ведь она сделана из небольших камней, которые под тяжестью верхней плиты могут рассыпаться!

Мари слушала его очень внимательно, поскольку эта информация была крайне важна для нее, ведь трещина давала возможность проникнуть внутрь гробницы, не прибегая к существенным разрушениям. Она нервничала, и это уже становилось заметно. Поэтому Мари ускорила шаг и быстро подошла к гробнице. Обойдя ее со всех сторон, трещину увидела не сразу. Она оказалась почти у основания, как бы выделяя откос с западной стороны. Мари опустилась ниже и стала внимательно рассматривать эту тоненькую, словно паутинка, трещину. На первый взгляд, она была настолько тонкой, что не представлялось возможным проникнуть через нее внутрь гробницы. Однако в самом низу, практически вращая в землю, трещина расширилась, и Мари отчетливо увидела скол в твердой породе гранитной плиты. Доставая из мешочка шило, Мари заметила маленького жука, выползающего из-под гробницы в том самом месте, где был скол. Стало понятно, что там есть полость. Мари попробовала немного отодвинуть слой почвы у скола и поняла, что она рыхлая и легко поддается небольшой веточке, которой Мари ворошила поверхностный травяной настил. Откопав небольшую ямку в почве, Мари принялась рассматривать основание гранитной плиты. Вокруг скола сплелись в паутинку маленькие трещинки, лучиками разбегающиеся в разные стороны. Мари взяла в руку шило и словно крошечным долотом начала стучать по этим трещинкам, усиливая толчки с каждым новым ударом. Гранит начал крошиться, и вскоре она увидела, что можно отодвинуть довольно большой кусок плиты, в который возможно пройдет кисть ее руки. Со всей силы, она ударила по сколу носком своей туфли, и кусок гранита провалился внутрь гробницы. Мари протиснула руку внутрь, нащупала край какой-то ткани и потянула его наружу. Ткань была достаточно прочной для того, чтобы легко ее вытащить, и Мари потянула более настойчиво. В конце концов, вытаскивала на поверхность весь кусок ткани. Это был красный бархат, без каких либо следов тления и влияния почвенной влаги.

– Но где же драгоценные камни? – подумала Мари и снова протиснула руку внутрь гробницы, уже несколько глубже, чем прежде.

Ей пришлось ощупывать все доступное пространство внутри гробницы, пока она не наткнулась на маленький сверток из грубой ткани и стала выталкивать его к щели. Через несколько минут на поверхности появился мешочек из потемневшей от времени парусины, и Мари радостно ахнула. Решив не вызывать интерес садовника, работавшего неподалеку, своими действиями, она спешно закопала ямку в почве и немного потопталась по рыхлой земле, для устранения следов проникновения в святыню. Мари перекрестилась, на всякий случай повернулась к морю, чтобы можно было подумать о своем светлом будущем и представить себе дальнейшее развитие событий, в случае, если все сбудется именно так, как ей рассказала старушка. Постояв еще какое-то время, глядя куда-то за линию горизонта, представляя лицо Андре, о чем говорила ее мечтательная улыбка, Мари повернулась к собору и пошла обратно, туда, где ее ожидали слуги.

София и Альберто. Начало истории

На этом Марио закончил свой рассказ и тихо подошел к Софии, чтобы снять с нее маску. – На сегодня достаточно, моя девочка! – прошептал он и осторожно прикоснулся к ее руке.

София вздрогнула и проснулась. Она сама сняла маску и положила рядом. Ей казалось, что сил подняться у нее совсем не осталось, и она продолжала лежать в кресле, испуганно глядя на Марио. Он взял ее за руку и погладил ладонью, словно успокаивая маленького ребенка.

– Посиди пока здесь, я приготовлю тебе кофе! – сказал он и вышел из комнаты.

Лишь спустя полчаса она смогла подняться и выйти на улицу. Они договорились встретиться вечером и продолжить беседу, но если она не найдет в себе сил, то он сам навестит ее утром.

София шла к тому дому, откуда утром вышла на поиски мастера и, проходя мимо того самого места, где происходило общение красавца и незнакомки, остановилась. Ей вдруг сильно захотелось войти внутрь дома, что-то манило ее туда с такой силой, что удержаться было практически невозможно. Она подошла к двери и легонько ее толкнула. Дверь открылась, и София скользнула внутрь. На лестнице возникло какое-то движение, и она опрометью выскочила обратно на улицу, глазами отыскивая укромное местечко для убежища. Скрывшись в одной из ниш старинного здания, она ждала появления того, кто шумел на лестнице, но никто не выходил из парадной двери и она, немного расслабившись, выглянула на пустынную улицу. Около дома никого не было, но покидать убежище она не спешила. Ей показалось, что щелкнул замок двери, из которой она только что вышла, и она снова метнулась в нишу. Неожиданно, вместо шагов или голосов, она услышала всплеск воды со стороны канала. Немного наклонив голову, она смогла увидеть гондолу, что подошла к дому с боковой стороны. Из нее поднялся мужчина и потянулся к решетке окна на первом этаже. София сделала шаг вперед и стала откровенно следить за тем, что происходило около дома. Особенно ее интересовал этот незнакомец. Он внезапно обернулся, словно почувствовал, что на него смотрят, и София увидела красивое мужское лицо, не совсем молодое, но не утратившее юношеской свежести. Лишь небольшие морщинки под глазами и взгляд выдавали возраст. Брюнет с карими выразительными глазами, бровями красивой формы, строгий профиль с несколько удлиненным носом, его совсем не портил, даже придавал большей мужественности, подбородок заостренный, но не резкий, слегка припухлые губы, едва заметные ямочки на щеках. Взгляд страстного и опытного любовника. Даже при первом взгляде на него становилось ясно – он любимец женщин. Не слащавая, а мужская красота, приковывала взгляд почти всякого кто его видел впервые, высокий рост и атлетическое телосложение всегда вызывали трепет в женских сердцах. София тоже почувствовала приятное волнение и поймала себя на мысли, что не может оторвать взгляда от незнакомца. Ей так сильно захотелось оказаться рядом с ним, что она даже сделала шаг в его сторону, но резко остановилась и быстро исчезла в своем укрытии. Ей было любопытно, что же он станет делать дальше. Она не ошиблась. Он выпрыгнул из гондолы и повис на решетке окна первого этажа, затем с прыткостью животного забрался на второй этаж, придерживаясь только одной рукой за выступ в стене, и заглянул в окно, тут же отстраняясь в сторону, чтобы не привлечь к себе случайный взгляд обитателей дома. Убедившись, что никто его не заметил, он тихо открыл окно и, как удав, заполз внутрь помещения. Окна, по-прежнему, оставались темными, и ничего не выдавало присутствия там кого-либо. София осторожно ступая, выглянула из-за угла и стала пробираться ближе к тому дому, куда влез незнакомец. Ей очень хотелось увидеть его, пусть даже в объятиях женщины, это придавало бы ему больше сексуальности и интриги данному положению. Она прижалась к стене и стояла неподвижно, прислушиваясь к тишине. Убедившись, что никаких звуков не раздается изнутри, она подошла

к двери и машинально толкнула ее. Как ни странно, дверь поддалась и слегка приоткрылась. София подождала немного и, открыв ее шире, вошла внутрь. В помещении было тихо и темно. Она на ощупь продвигалась куда-то, ожидая натолкнуться на перила лестницы. Упершись в стену, остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте. Через некоторое время, она смогла разглядеть очертания двери в какую-то комнату, слева – перила лестницы, рядом с собой – массивный шкаф и маленький пуфик. Обрадовавшись, что вовремя остановилась, иначе могла зацепить пуфик, вызвав тем самым ненужный звук присутствия человека в помещении, она, крадучись подошла к двери, попыталась ее открыть, но не смогла, ибо дверь оказалась заперта, и повернула к лестнице, понимая, что на первом этаже или никого нет или комната закрыта изнутри. Тихо ступая, она поднялась на второй этаж, и увидела робкий лучик света, пробивающийся из-под закрытой двери в конце коридора. Глаза уже привыкли к темноте, и она могла двигаться более уверенно, различая все предметы на пути. Подкравшись к двери, она приложила ухо и стала слушать, что происходит за ней. Было тихо, но через пару секунд раздался вздох, который может быть отнесен скорее к разряду сладострастных, нежели к испугу или огорчению. Затем, она услышала шёпот и шелест ткани. Интерес разгорался все больше и, забыв об осторожности, София приоткрыла дверь. В щель приоткрытой двери видна была лишь часть большой комнаты, изысканно и богато обставленной дорогой мебелью. На полу лежал красивый ковер, на котором красовалась огромная ваза муранского стекла, с букетом красивых экзотических цветов. На диване, обтянутом мерцающей шелковой тканью, какого-то светлого оттенка, скорее пастельно-бежевого, сидела сказочной красоты женщина. У ее ног, на полу, сидел тот незнакомец, которого София видела и за которым вошла в этот дом. Он смотрел на красавицу, но взгляда видно не было, так как сидел вполборота к двери, из-за которой выглядывала София. Женщина же, напротив, смотрела в сторону, не на мужчину, который сидел у ее ног и искал внимания к себе.

– Почему ты пришел сюда, не выполнив моей просьбы? – резко повернув к нему голову, спросила незнакомка.

– Я взял ту, что описала мне ты! Там так много разных масок, и все они похожи на нужную! Я не смог разобраться в них и выбрал эту, решив, что именно она тебе нужна! Ведь эта маска лежала отдельно от других, в ящике, обтянутом тканью! – извиняющимся тоном ответил мужчина.

– Что теперь делать, ведь мастер уже понял, что «Марию» хотят украсть! – немного помолчав, мягким голосом произнесла женщина.

– Я попробую еще раз проникнуть в мастерскую и поискать ее, но меня могут схватить, ты же понимаешь это? А что, если ее уже нет в доме мастера? Как это узнать? – говорил мужчина, не отрывая взгляд от лица незнакомки.

Она молчала, грустно глядя в пол. На ее лица отражалось такое отчаяние, что этого даже при слабом свете свечей невозможно было не заметить.

– Что же такое произошло с ней, почему так необходима была эта маска? – размышляла София, – Ведь волшебство маски работает далеко не для всех? Наверняка женщина об этом знает, коль так настойчиво требует доставить ей эту маску!

София продолжала стоять и прислушиваться к разговору в комнате.

– Я сама пойду к мастеру завтра! – неожиданно произнесла незнакомка.

– Но он ведь знает тебя! Как же ты сможешь выкрасть маску? – спросил удивленный этим заявлением, мужчина.

– Я не стану искать «Марию»! Я попрошу его сделать мне другую маску, а во время изготовления, постараюсь проникнуть в мастерскую! – вставая с дивана, ответила женщина.

София отпрянула от двери, чтобы не дай бог не быть обнаруженной, и спряталась за тяжелую портьеру, позади себя. Женщина быстрыми шагами пересекла комнату и остановилась у двери. Постояв пару секунд, слегка повернула голову в сторону любовника и, одарив его

любящим взглядом, молча, вышла из комнаты. Она прошла мимо Софии, укутанной в портьеру так близко, что та почувствовала легкий запах мускуса, преобладающий в букете духов незнакомки. София даже прикрыла глаза от удивительного чувства причастности к сказочному действию, в котором она поневоле оказалась замешана. Из комнаты не доносилось никаких звуков, и можно было подумать, что никого уже нет в доме, лишь слегка потрескивал деревянный потолок, выдавая влияние времени на все, что окружало Софию в волшебной стране под названием Венеция. Хотя до конца все равно не верилось, что этот сказочный, необыкновенный город может исчезнуть. В нем происходили самые необычные и интересные истории, приходило возвышенное вдохновение, и с огромной силой хотелось любви, словно ее легендарный персонаж Казанова наполнил все пространство, неистребимым временем, желанием и трепетом влюбленного сердца.

София осторожно отодвинула портьеру и выглянула в темноту коридора. Никого, по-прежнему, не было видно в проеме приоткрытой двери. Она на цыпочках подошла к двери и заглянула внутрь комнаты. Пусто, лишь ветер слегка приподнимал легкий тюль светло-серой занавеси, струящейся вдоль огромной витрины приоткрытого окна. Видимо, мужчина покинул дом своей возлюбленной тем же путем, что и вошел в него. София прошла к середине комнаты, увидев свое отражение в зеркале огромного размера, почти во всю стену, украшенного резной, необыкновенно красивой бежевой рамой, покрытой лаком, и в мерцающем свете свечи, переливалась красивыми бликами. В своем дорогом, пышном платье, с золотой вышивкой, она казалась сказочной принцессой. Подойдя к зеркалу, потрогала раму, провела по ней ладонью, словно хотела почувствовать ее тепло, так сильно притягивала взор работа мастера, сделавшего резьбу. Неожиданно, она почувствовала какое-то движение позади себя и машинально глянула в зеркало. На расстоянии трех шагов от нее стоял тот самый мужчина, что беседовал с незнакомкой несколько минут назад, а теперь смотрел на ее отражение в зеркале. София замерла в ожидании. Она тоже ловила его взгляд в отражении и ощутила неожиданно сильный прилив желаний, да такой, что думала, вот-вот лишится чувств. Незнакомец не двигался с места, но взгляд его стал постепенно меняться от холодно-подозрительного к загадочно-страстному. Неизвестно сколько времени они бы так стояли, глядя друг другу в глаза через зеркало, если бы не резкий порыв ветра, с силой распахнувший окно. От испуга София вскрикнула и резко обернулась, а мужчина сделал широкий шаг к ней навстречу и, как-то неожиданно, она оказалась в его объятиях. Ей стало так тепло и легко, словно она знала этого мужчину уже давно и была сильно в него влюблена. От истомы, подкатившей к горлу, она едва сдерживала стон, готовый вырваться из груди и вознестись в освещенное луной, дымчатое небо. Мужчина стоял, не шелохнувшись, лишь крепче прижимал ее к своей широкой и невозможно крепкой и какой-то даже родной груди. Она не понимала, что с ней происходит, но ей совершенно не хотелось, чтобы это мгновение нечаянного счастья закончилось. Обнимать его и прижиматься щекой к его плечу, было настолько мучительно приятно, что казалось сердце может просто не выдержать этот невероятный поток тепла и неги. Казалось, что она уже знает этот изгиб тела, этот теплый поток невидимой энергии, запах сладкий, как карамельное мороженное и крепкие, мужественные руки, полностью подчиняющие себе не только ее тело, но и волю. Никто из них не решался прервать столь сладостный момент, но страх оказаться замеченными возобладал над страстью первого момента. София подняла голову и посмотрела ему в глаза. Проникновенный взгляд карих, невероятно выразительных глаз, заставил ее даже немного покраснеть. Но одно было ясно – что-то между ними происходит, но что точно охарактеризовать пока было нельзя. София ощущала неведомое доселе волнение, где-то глубоко внутри, под грудью. Сердце билось в том же ритме, что обычно, но внутреннее давление чувствовалось совершенно отчетливо. На какое-то мгновение она потеряла контроль над собой и положила голову ему на грудь, обхватив левой рукой его талию. Она могла бы так стоять долгое время, не хватало

сил оторваться от его великолепного тела, но здравый смысл возобладал, и София отстранилась от незнакомца. Он взял ее за руку и спросил: «Кто ты?»

София колебалась, не знала что ответить, ведь она, по сути, была вообще не из этого времени. Что можно сказать в таком случае?

– Простите, я случайно вошла в этот дом! Мне показалось, что я знаю ту женщину, что была здесь! Я увидела ее в окне! – неуверенно произнесла София, отворачиваясь в сторону окна.

– Понятно! – с улыбкой сказал мужчина, – Но она уже покинула дом!

– Я тогда завтра найду, если можно! – уже с испугом ответила София.

– Я могу проводить Вас? – продолжал разговор незнакомец, все больше волнуя Софию.

– Не знаю, удобно ли это? Ведь мы совсем не знакомы с Вами!

– Меня зовут Альберто!

– София! – смущенно, опустив глаза, прошептала она.

– Я очень удивлен и обрадован Вашим присутствием в этом доме! Вы очень необычная и красивая! Разве Вы из Венеции? Я никогда не видел таких девушек здесь! – сыпал комплименты мужчина.

– Нет! Я здесь в гостях! – не зная, как объяснить свое присутствие, ответила София.

– Тогда, позвольте отвести Вас туда, где Вы остановились! В это время, небезопасно девушке гулять одной по Венеции!

– А мне казалось, что здесь никогда ничего не может произойти плохого! Такой добрый и спокойный город, разве может кого-то обидеть?

– Город нет, а вот проходимцы, вроде всяких бродяг, могут!

Альберто смотрел на Софию так, как смотрит мужчина, влюбленный, но еще не понимающий, как себя вести дальше. В его взгляде были и вопрос и просьба, и желание, и робость, и в некоторой степени удовольствие – все, что может сопутствовать первым робким чувствам. София ощущала его энергетику каждой клеткой своего тела, все больше понимая, насколько он притягателен для нее и как трудно будет не поддаться соблазну, хотя бы просто поцеловать его. К ней впервые приходит такое чувство, противостоять которому совершенно невозможно. Альберто был именно тем мужчиной, в которого влюбляются сразу и навсегда. Его уже невозможно будет забыть. И София, понимая, что может никогда его больше не увидеть, соглашается пойти с ним, не смотря на слишком большой риск этого мероприятия, ведь кто он такой, до сих пор неизвестно. Альберто интуитивно поймал это ее настроение и, осторожно взяв за руку, увлек к двери. Они вышли на лестницу, ведущую к каналу, и остановились. Там стояла та самая дама, что недавно покинула дом, но как оказалось, она заметила Софию еще, когда та наблюдала за ними из-за двери.

– Добрый вечер, дорогие мои! – загадочно улыбаясь, спросила она, – И куда же вы направляетесь?

София, увидев ее, даже потеряла дар речи от неожиданности. Теперь она могла рассмотреть женщину более подробно, под светом фонаря, прикрепленного к навесу над ступенями. Она была необыкновенной красоты, как королева из детских сказок. Большие миндалевидные глаза, то ли зеленого, то ли серо-голубого цвета, не было четко видно, длинные ресницы, широкие, но выразительные брови, от природы, имеющие красивую изогнутую форму, слегка зауженный, прямой нос и губы пухлые, будто поддутые изнутри, правильной формы подбородок. Она выражала собой такую неприступную грацию, что можно было сойти с ума. От ее пронизательного и надменного взгляда невозможно было спрятаться. Черные смоляные волосы, спускались аккуратно уложенными крупными прядями на плечи и грудь, которую почти не скрывало декольте ее роскошного платья, цвета выдержанного красного вина. Талия была сильно затянута в корсет, руки скрывали ажурные перчатки, на плечи была накинута красивая, сиреневая шаль, слегка переливающаяся розоватыми бликами в свете фонаря,

подол платья расшит серебряными лилиями. Она была словно нарисована кистью Веласкеса. Перед ее красотой вряд ли кто-то мог устоять, это было очевидно. София в какой-то момент даже почувствовала укол ни то ревности, ни то зависти. Она медленно перевела взгляд от лица женщины на Альберто, вопросительно глядя ему в глаза. Она ждала какой-то реакции, но он с едва заметной улыбкой смотрел на свою любовницу и молчал. Создавалось впечатление, что он получает удовольствие от того, что она видит его с другой, более молодой и красивой женщиной, к тому же совсем не похожей на ее современниц. Женщина смотрела на Софию заинтересованным взглядом, но без тени ревности, как бы оценивая соперницу. Было очевидно, что она знает себе цену и ничуть не боится потерять свое место в сердце мужчины. София даже позавидовала ей в некотором смысле. Она бы не смогла сохранять такое хладнокровие в данной ситуации. Но время шло, ничего не происходило, и София первой нарушила молчание.

– Скажите, как мне выйти на улицу, ведущую к мосту Реальто? Я знаю только эту дорогу к дому!

Альберто вздрогнул от ее голоса и, выйдя из временного оцепенения, повернулся к Софии.

– Нет, нет! Я провожу Вас к Вашему дому! – испуганно и торопливо сказал он, не глядя на свою любовницу.

Та, ничего не говоря, повернулась к причалу и махнула гондольеру, ожидающему ее решения. Он причалил прямо у ее ног и подал руку, чтобы она могла спуститься в гондолу. Женщина, не оборачиваясь, спустилась в лодку и села на мягкий бархатный диванчик. Гондольер прикрыл ее юбку пледом и плавным движением весла, оттолкнулся от причала. Шелест разрезаемой носом гондолы воды, лишь на миг привлек внимание Альберто. Через мгновение он взял Софию за руку и кивком пригласил ее пройти на узкую дорожку, прилегающую к дому. Они вышли к боковой стене дома, а затем на узкую улочку, ведущую к небольшой пьядетте с крошечной колоколенкой. София остановилась. Она не знала куда идти, не могла точно вспомнить тот дом, в котором спала прошлой ночью, к тому же, объяснить самой себе, что она должна делать дальше, она не могла.

– Что случилось? – спросил Альберто.

– Я хочу узнать секрет карнавальной маски! Той, что Вы хотели украсть в мастерской Марио!

Альберто вздрогнул и побледнел.

– Откуда Вы знаете об этом? – с испугом спрашивал он, взяв Софию за плечи.

– Я была там, когда Вы пробрались в хранилище! – тихо ответила она и замерла, глядя в его глаза.

Он молчал, не двигался, словно тщательно обдумывал свой ответ. Затем, оглянувшись, чтобы убедиться, что их никто не услышит и сказал:

– Я не могу рассказать, это не моя тайна! К тому же, я не знаю, кто Вы и как оказались здесь. Вы не принадлежите нашему обществу, это очевидно. Я хочу узнать о Вас больше.

София опустила глаза вниз, как бы собираясь с мыслями, размышляя о том, что она может рассказать о себе. Марио говорил, что она избранная, что маска «оживет» только в ее руках. Ей самой было интересно, какая тайна должна быть раскрыта с ее помощью? Все это она могла узнать от Альберто, но как заставить его рассказать?

– Пойдем со мной! Нам надо поговорить об этом! – тихо сказала она и стала двигаться в темноту улочки, увлекая его за собой. Теперь уже она знала, куда идти и вполне уверенно тащила его за собой в темноте ночного города. Они вошли в дом, незаметно нырнув в узкую щель приоткрытой двери, и София сразу же стала подниматься по лестнице вверх, не отпуская руку Альберто. Когда они вошли в ту комнату, где она провела предыдущую ночь, то с изумлением заметили, что кто-то зажег свечи к их приходу. Это уже совсем походило на мистику, но почему-то Софию это перестало удивлять. Она уже точно знала, что является действующим

лицом какой-то увлекательной истории, хорошо бы со счастливым концом! Нельзя сказать, что это ее забавляло, но любопытство превосходило все остальные чувства, в том числе и чувство страха перед последствиями такого легкомыслия. Альберто, однако, стал оглядывать помещение, молча и сосредоточенно. Весь его вид говорил лишь о том, что он напуган, не понимает, где находится и постоянно ожидает появления еще какого-нибудь персонажа из этой неизвестной пьесы. София же напротив, была совершенно спокойна и, отложив в сторону пеструю шаль, которая небрежно свисала с подлокотника, опустилась в большое кресло у камина. Альберто, нехотя, подошел к ней и все еще, не слишком доверяя всей этой на первый взгляд умиротворяющей обстановке, сел в кресло по соседству. Свечи слегка потрескивали, периодически «страхивая» со своего гладкого, цвета слоновой кости тела крупные капли воска, словно слезы, собиравшиеся в цепочку у основания чаши огненного цветка. София смотрела на красивые бутоны пламени свечей, и какой-то демонический азарт охватывал ее все больше и больше. Она представляла себя кружащейся в бешеном танце вместе с Альберто. Вокруг слишком много людей, все в масках и карнавальных костюмах, все хотят прикоснуться к ней, но ее кавалер ловко предотвращает все эти попытки и уносит ее в вихре танца куда-то ввысь, к сводам огромного зала, стены которого выложены изумительной золотой мозаикой. И словно читая ее мысли, он встал и, сделав шаг к ее креслу, протянул руку, приглашая на танец. Она неспешно положила руку в его ладонь, повинувшись мужской силе, встала и оказалась в его полу-объятии. Одной рукой он продолжал держать ее кисть, а второй обнял за талию и стал медленно водить, словно вальсируя по комнате, освещаемой лишь пятью робкими свечами, отчего этот танец напоминал сказочный бал, вот только действующих лиц там было, лишь двое. София закрыла глаза, полностью отдаваясь во власть этого средневекового красавца из ее девичьих снов. А он все крепче, прижимая ее к себе, увеличивал темп своих движений, пока она не вскрикнула от потери равновесия и резко открыла глаза. Он смотрел на нее с таким обожанием, словно держал в руках диковинный цветок и не мог поверить в свое счастье обладания этим цветком. Его эмоции тут же передались ей и она, высвободив руку, обняла его, с безудержной нежностью прижимаясь к полураскрытым губам, манящим с такой силой, что сдерживаться было совершенно невозможно. Он тоже схватил ее в свои крепкие и одновременно нежные объятия и стал страстно целовать. Вселенная для них перестала существовать в эту минуту. Были только они двое и эта волшебная комната, скрывающая их от окружающего мира, хотя бы на эти несколько минут. Они совершенно не ожидали, что испытают страсть такой силы и боялись разомкнуть объятия, чтобы это чувство не исчезло словно сон, внезапно прерванный утренним лучом. Они безумно любили друг друга и были безмерно счастливы, находиться вместе, в этих объятиях, словно долгая разлука лишила их разума и, обретя наконец радость близости, они не могли ею насытиться. София уже абсолютно точно знала, что Альберто ее возлюбленный, ее мужчина. Но почему она встретила его сейчас, столь необычным образом и так далеко от своего дома, даже в другом измерении и пространстве? Это было похоже на сумасшествие, на дьявольскую интригу, на игру воображения, в конце концов! Для него же, наоборот, это было такое знаковое событие, что он попросту забыл, где находится и тот факт, что всего несколько часов назад он думал, что любит совсем другую женщину и искренне считал, что готов умереть за нее, и за те редкие моменты их тайных свиданий. Куда девалась вся та жизнь, которая состояла из ожидания знаков, промежутков между свиданиями и тех мук, что испытывал он от того нелепого положения фаворита властной и холодной женщины? Больше не было этого подземельного холода и страданий! Была лишь светлая, солнечная, горячая и страстная любовь к невероятно родной и вожделенной женщине!

Они все еще танцевали, когда дверь тихонько скрипнула, и в комнату вошел Марио, тот самый мастер, что хранил священную реликвию и знал ее тайну. София не сразу увидела его в темноте комнаты, но Альберто, привыкший к тайнам и неожиданным появлениям досужих обывателей, сразу заметил движение около двери. Он остановился и замер в ожидании. София

посмотрела ему в глаза и увидела неподдельный интерес во взгляде. Она повернулась в сторону, куда был направлен его взгляд, и вздрогнула, увидев Марио, добродушно разглядывающего их удивленные лица.

– Добрый вечер, Марио! – нарушила тишину София, – Вы как здесь очутились?

– Я ждал вас! Мне надо объяснить все, что касается Маски вас обоим! Твой новый знакомый тоже является непосредственным участником истории, в которую ты попала! Но он должен знать, что Маску нельзя украсть, нельзя передавать в чужие руки, нельзя изменять ее структуру и внешний облик! Любые действия с ней могут привести к трагедии и принести несчастье тому, кто попытается использовать ее в своих целях, даже если они благородные! А ведь именно для этого он проник в мой дом, не правда ли юноша? – хитро улыбаясь, уточнил Марио.

Альберто молчал, не зная, что ответить мастеру, поскольку сам не ведал цели похищения Маски. Он имел об этом лишь поверхностные знания. Его любовница очень коротко рассказала ему о своей цели, не вдаваясь в историю Маски и не посвящая в ее тайну. Она была знатной дамой и не могла позволить толпе безродных хамов полоскать свое имя и имя своего мужа, словно прачка грязное белье. Но и не могла отказаться от своей пагубной страсти к молодому графу, за что себя слишком рьяно корила, заходя иногда помолиться деве Марии в собор при монастыре. Она прятала лицо под маской, надеясь, что ее никто не узнает, но всегда опасливо озиралась по сторонам, преследуемая своими демонами, терзавшими душу и сознание. Надеясь на то, что получив маску Марии, станет недосыгаема для погрязшего в интригах и прелюбодеянии общества, она отправила Альберто в дом мастера, даже не подозревая, что у таинственной маски есть еще одна, никому не известная тайна. И вот теперь, когда Марио начал говорить Софии об этом секрете, Альберто старался сопоставить сказанное любовницей с тем, что сейчас слышал. Она говорила о том, что маска не только скроет ее от любопытных глаз, но и укажет откуда ждать опасности, что отчасти было правдой. Вот только одного не знала женщина, того что владеть маской может только наследница Марии, упомянутая в завещании. Она должна была появиться на свет много позже ныне живущих, поэтому тайна была бы жива только в случае, если ее хранитель сможет передать все надежным потомкам. Марио получил ее от своего прадеда и хранил, по сей день, не надеясь, что судьба подарит ему встречу с наследницей. Он как раз не готов был уверенно передать ее кому-либо, так как верить в своем окружении никому не мог. И вот, София предстала перед ним как раз в то время, когда он впервые стал задумываться о том, чтобы вернуть маску в гробницу, опасаясь невежественных охотников за всякого рода тайнами, особенно если они могли принести заметное обогащение. Легенда о том, что Мария могла исчезнуть и неожиданно появиться совершенно в другом месте, после чего события сменялись с ошеломительной быстротой, словно чья-то рука поворачивала жернова мельницы-судьбы, и обреченные на смерть здравствовали, а лже – палачи превращались в клоунов и шутов, переходила от отца к сыну. Все это связывали с нечистой, дьявольской силой Марии и каким-то заклатьем, наложенным на нее при рождении. И лишь немногие знали ее тайну, но боялись разглашать ее, чтобы не навлечь на себя страшную кару маски, о которой тоже мало что было известно, лишь страшная сила ее обратной стороны. Все это выглядело дьявольски колдовским, и невежественные люди склонны были воспринимать подобную правду, как проклятье всевышнего на грешную душу исполнительницы воли дьявола. То, что ее сторонились и опасались, было только на пользу Марии, ведь тем самым ей не могли препятствовать. Она это понимала, и смело выполняла свое предназначение сохранять хоть часть справедливости в столь порочном обществе. София слушала повествование Марио, боясь даже шелохнуться. Все отчетливей вырисовывалась картина ее генеалогического дерева. Неужели она потомок святой Марии? Это могло только присниться и уж точно не быть реальностью. Хотя одно то, что она оказалась в этом месте и в этом времени, уже граничило с безумием. Она

продолжала, молча слушать Марио, даже не глядя на своего спутника, чтобы ни на секунду не отвлекаться от сути повествования.

– Вы оба должны знать, что использовать маску для развлечения нельзя! Нельзя передавать ее никому, для какой бы цели не требовалось ее надеть постороннему человеку! Особенно, если это нужно для обмана или сокрытия прелюбодеяния, и уж не дай бог для преступных действий! – произнес Марио с особым трепетом и назиданием.

Альберто даже немного покраснел, очевидно, вспомнив о своей любовнице, которая хотела завладеть маской именно с целью обмана. Она говорила ему о том, как мечтает стать невидимой, чтобы беспрепятственно проникать в их любовное гнездышко на острове Мурано, которое вот-вот могли рассекретить ищейки ее мужа, методично исполняющие все веления своего господина по охране интересов его семьи. Ему пока еще было невдомек, что его любимая жена наставляет ему рога с возможным будущим дожем, ведь его семья давно входила в состав правительства Венеции и была одной из богатейших семей того времени, чья фамилия была записана в «Золотую книгу». Отец Альберто не стремился к власти, будучи не столь упорным в своих действиях, как дож Энрико Дандоло, но отличался невероятной мудростью и честностью, которую старался привить и своим сыновьям. Он беззаветно любил свою страну и готов был отдать жизнь за ее благополучие. А благополучие Венеции заключалось, как известно в ее успешной коммерции. Своим богатством и роскошью Венеция целиком обязана удачному расположению в море, среди торговых мореходных путей. Но всем этим великолепием надо было грамотно управлять, что и надлежало делать правительству, своим положением обязанному случайной многочисленности, влиятельности и богатству некоторых семейств, бежавших из старой Италии, и постепенно сложившемуся, благодаря сплоченности и героизму, в отдельное сословие. Все становление Венеции зависело целиком от личного героизма ее жителей. Человек, который прославлял и спасал ее, мог быть и королем и простым гражданином, но все зависело от его воспитания и становления. Именно поэтому в каждой аристократической семье, воспитанию детей уделялось самое большое внимание. Как большинство граждан, Альберто искренне любил и восхвалял Венецию, готов был жертвовать собой во имя нее и поэтому имел все шансы занять место правителя этой загадочной страны.

– Итак, я продолжу историю создания чудо – маски, с Вашего позволения! – прервал раздумья Альберто мастер.

София уже долго томившаяся ожиданием, решила присесть в кресло, сделав это практически бесшумно.

Мари и Андре. Энрико Дандоло

Когда Мари покинула остров, единственным ее желанием было тотчас оказаться в своих покоях и спокойно все обдумать, ведь незаметно выбраться из дворца ей не удастся, а к мастеру она должна пойти непременно в одиночестве. В голове ее промелькнула мысль о том, чтобы выйти в платье своей прислуги. Но следующая проблема возникла сама собой. Как договориться с прислугой, чтобы ее не выдали? Это было практически невозможно, ведь все они были наняты ее мужем и не стали бы покрывать ее в случае обнаружения какой-либо истории, в которую она могла быть вовлечена. Особенно, если эта история касалась тайной любви. Гондола причалила к ступеням дворца и Мари поспешила внутрь, чтобы, наконец, остаться наедине с сокровищами, выкраденными из гробницы. Ей не терпелось внимательно рассмотреть содержимое мешочка. Служанки помогли ей раздеться после утомительного путешествия, и вышли из комнаты по ее приказу. Осторожно развязав узелок тонкой веревочки, затягивающий мешочек, она открыла его и высыпала на покрывало своей кровати содержимое. Необыкновенной красоты разноцветные камни и жемчужины, несколько небольших бриллиантов и сапфиров были в этом мешочке. Мари смотрела на них и думала о том, какой была жизнь обладательницы этих драгоценных камней. Сколько она любила, сколько страдала, как жила в те времена, когда могущество и красота Венеции были еще далеко в будущем. Почему эти драгоценности несли в себе волшебную силу? Это было очень интересно, тем более, что до сих пор никто не выкрал эти камни из гробницы. Она взяла бархатную ткань, что нашла в том же месте, и аккуратно разложила на кровати, затем стала выкладывать камни узором, напоминающим завитки, украшающие колонны Собора Святого Марка. Камни отражали проникающий сквозь окна свет и переливались всеми цветами радуги. Мари любовалась игрой цвета и невольно переносилась мыслями в те далекие времена, когда не было еще правителей, «Золотой Книги», борьбы за власть. Мысли ее прервал звук открывающейся двери. Пришел дворецкий объявить о времени ужина. Она прикрыла камни подолом платья и сообщила, что спустится через полчаса. Когда за ним закрылась дверь, она встала, собрала все камни, вернула их в мешочек, который завернула в бархатную ткань и отнесла в небольшой, замурованный в стену тайничок. Затем стала готовиться к ужину. Когда вошли слуги, чтобы помочь с платьем, ей неожиданно пришла в голову мысль о том, чтобы пригласить мастера во дворец. Для чего подвергать себя подозрениям, если можно просто заказать изготовление маски для предстоящего карнавала прямо у себя в гостиной. Она попросит мастера принести украшения, чтобы у слуг не возникло ненужных вопросов и потихоньку передаст ему мешочек. Чтобы драгоценности не пропали, она заставит мастера изготовить маску во дворце. Она широко улыбнулась, обрадованная такой простой догадкой. Когда приготовления к выходу были завершены, она приказала одной из служанок тотчас отправляться к мастеру, указанному старушкой и привести его во дворец со всеми инструментами и материалами для работы. Служанка удалилась, а Мари с гордым видом вошла в зал, где обычно проходили все семейные обеды. Ее муж почтительно наклонил голову и велел всем садиться за стол. В зале были несколько членов правительства и кое-кто из знатных горожан. За ужином говорили о возможности очередного крестового похода и строительстве новых военных кораблей. Прибывшие накануне французские рыцари просили о найме большого количества галер для Четвертого Крестового похода, что сулило Венеции значительное обогащение в случае удачного завершения похода, и одним из условий ставилось возвращение утраченной колонии Венеции- острова Зара. Дожу необходимо было собрать всех венецианцев на ассамблею, чтобы одобрить участие Венеции в крестовом походе. Мари внимательно слушала, о чем говорит муж, понимая, что начало очередной военной операции грозит ему многим, учитывая его проблемы со зрением, потерянным во время миссии в Константинополе. С другой стороны, измученная бесконечными завоевательными войнами,

не в каждой из которых она была победительницей, Венеция ждала от дожа улучшений, и он должен был предпринять все от него зависящее, чтобы Венеция вернула все утерянные позиции в Европе. Мари понимала, что он примет предложение французов и возможно сам возглавит поход. Иначе, поднять дух венецианцев будет слишком сложно. Именно об этом говорили сейчас. Она думала что, скорее всего и ее возлюбленный примет участие в походе, что приводило ее в уныние. Неужели, даже не познав любви, она должна сразу же с ним разлучиться? Однако пока это были всего лишь предположения, и дальнейшее развитие событий зависело от многих факторов, в том числе и от того, найдут ли средства французы оплатить крестовый поход. Ужин закончился, и женщинам надлежало покинуть общий зал, чтобы мужчины могли обсудить предстоящие действия и свое участие в разделе предполагаемых завоеваний. Мари отправилась в свои покои ожидать прибытия мастера, размышляя о возможных последствиях всего услышанного за ужином. Она понимала, что должна ускорить близость с Андре, пока еще было какое-то время. Мастер ждал ее в приемном зале и сразу встал, услышав шорох ее платья.

– Добрый вечер, госпожа! Я к Вашим услугам! – тихо поздоровался и ждал, склонив голову, ее указаний.

– Как Вас зовут? – спросила Мари.

– Федерико!

– Будете работать в помещении под кухней здесь, во дворце! Маска мне нужна, как можно скорее! – быстро проговорила Мари и кивком указала ему следовать за ней.

Она вошла в свои покои, но мастера оставила за дверью. Через несколько минут вернулась с небольшим тканевым мешочком и подошла к круглому столу, служившему скорее подставкой под большую вазу с цветами. Разложив перед мастером бархат и камни, что должны были быть на маске, она изложила свою просьбу сделать маску такой, чтобы под ней не было видно даже части лица или шеи. Он понял, чего от него хочет догаресса, сложил все обратно в мешочек и попросил, чтобы его проводили к месту работы. Мари шепнула служанке, куда его отвести и быстро вернулась в свою спальню. Она легла в кровать и погрузилась в воспоминания о первой встрече с Андре. Возникнув вновь в ее сознании, он разбудил такой трепет, что она даже испугалась, сможет ли сдерживать свои порывы от окружающих. Ведь не заметить блеск влюбленных глаз очень сложно, тем более что за ней всегда следили много людей, и не только по просьбе мужа, а еще из простого любопытства. Она всегда это понимала и вела себя очень сдержанно и скромно. Скромность была чертой ее характера, не свойственная, однако королевским особам. Она лежала и думала о том, где он, что делает теперь, когда они смогут увидеться, хоть на миг, чтобы она смогла шепнуть ему о возможном свидании. В этих размышлениях она незаметно для себя уснула, проснувшись лишь утром от гомона служанок за дверью. Заметив, что проспала в тесном платье всю ночь, она встала и позвала прислугу. Вошла молоденькая девушка, присела в поклоне и молча, ждала указаний.

– Раздень меня! – скомандовала Мари и повернулась к ней спиной.

Девушка быстро подошла и стала расшнуровывать платье. Мари терпеливо ждала и смотрела в окно отрешенным взглядом. Поскольку одно из окон выходило как раз на набережную Рива дей Скьявони, она услышала восторженные крики и всплески воды, бьющейся о каменные плиты перед дворцовой стеной. Дождавшись, когда девушка снимет платье, Мари подошла к окну и, скрываемая витражным остеклением, смотрела на целый ряд военных галер, проходящих мимо дворца дальше, к выходу в море. Мари поняла, что времени до начала крестового похода осталось совсем мало. Очевидно, Совет принял решение вступить в этот поход, и начались приготовления. Корабли надо было подготовить к длительному переходу и судостроительный «Арсенал» начал работать на полную мощность.

– Где мастер? – неожиданно спросила Мари, отходя от окна.

– Работал всю ночь, а теперь прилег отдохнуть! Просил разбудить его сразу, как Вы прикажете! – ответила девушка и смотрела на госпожу с вопросом в глазах.

– Хорошо! Пусть еще поспит, а после завтрака, жду его в приемной палате!

– Хорошо, госпожа! – ответила девушка и взяла в руки подготовленное платье, чтобы получить одобрение Мари.

– Да, я его надену, но сначала приготовьте мне ванну! – говорила Мари, возвращаясь к окну.

Девушка вышла, а она вновь погрузилась в раздумья. Андре со своим адмиралом должен был присутствовать на завтраке, и у нее будет возможность подать ему знак о необходимости личной беседы. Как это сделать она пока не знала, ибо привлекать прислугу к этому делу было совершенно непозволительно. Она должна написать ему письмо и незаметно передать, когда все гости станут выходить в галерею для ритуальной прогулки по дворцу. Встреча должна была состояться в нижней аркаде дворца, поскольку покидать дворец в такое напряженное время она опасалась. Но и там, где обычно тихо и не многолюдно не было гарантии остаться незамеченными. Вся эта авантюра с тайными свиданиями была для Мари опасной и непредсказуемой в своем окончании. А главное, для Андре это могло закончиться очень и очень плохо. Оказаться в венецианской тюрьме было если не худшим, то уже точно самым неприятным завершением пребывания в этой сказочной республике. Поэтому действовать надо было крайне осторожно, чтобы никто не смог заметить их беседу, и уж тем более, передачу письма. В конце концов она решила не испытывать судьбу, и во время общей беседы шепнуть ему о месте и времени встречи. Тем временем слуги полностью одели и причесали Мари. Она смотрела на себя в зеркало, дотошно разглядывая каждую деталь прически и одежды. Убедившись, что все в порядке, приказала сопроводить ее в зал, где традиционно проводились небольшие приемы. Когда она вошла, в зале уже собрались почти все члены Совета и приглашенные представители французского ордена. Увидев появление Мари, все замолчали и замерли в поклоне. Мари ответила легким кивком головы и прошла к столу, давая понять, что завтрак начинается. Дождь уже находился во главе стола и беседовал с адмиралом, тем самым, которого сопровождал Андре. Мари искала его глазами, но никак не могла увидеть, отчего глаза ее становились темно-синими, а взгляд настороженным. На какое-то время ее отвлекла дама, неожиданно решившая подойти и начать разговор о том, состоится ли карнавал в случае вступления Венеции в Крестовый поход. Мари ничего не оставалось делать, как начать этот разговор, поскольку поддерживать дух завоеваний надо было не только у мужчин, но и у женщин, которые могли как-то повлиять на своих мужей. А ведь зачастую это влияние было достаточно сильным. Если карнавал состоится, то женщины не будут себя чувствовать одинокими и оставленными без внимания. Именно в этом и надо было убедить всех венецианок, которые могли хоть как-то помешать мужчинам, отправиться в поход. Мари тут же рассказала даме о том, что вчера заказала уже маску для карнавала и собирается начать примерки для пошива платья. Она сохраняла, как могла, сдержанность и спокойствие, иногда даже изображала радость и восторг при обсуждении предстоящих действий, как в самой Венеции, так и за ее пределами. Постепенно к ним стали присоединяться другие дамы, и Мари была уже полностью окружена собеседницами, в то время как мужчины уже расселись за столом, и в ожидании своих жен начали разговор о сборе недостающей суммы для постройки кораблей. Французы не смогли собрать требуемый капитал, и Венеция решила на поход в долг. Помимо предоставления галер для французских рыцарей и их солдат, дождь обещал снарядить и отправить еще пятьдесят военных галер. Очевидно, часть их них сегодня и проследовала по Гранд Каналу мимо дворца. Мари заметила некоторое оживление в зале и, выглянув из-за прически одной из дам, увидела несколько человек в странных одеяниях, которые вошли в зал в сопровождении Андре. Она едва заметно вздрогнула, от неожиданности встречного взгляда француза, но быстро вернулась к разговору, чтобы не привлекать внимание досужих сплетниц. Дождь громко пригласил всех занять места за столом и дамы, не прекращая разговора, спокойно направились к большому, нарядному столу. Когда все расселись, правитель попросил внимания и объявил всем, что Венеция высту-

пает вместе с французскими военными в Четвертый Крестовый поход. Целью похода является возвращения острова Зара и пополнение казны за счет завоеванного в Палестине богатства. После этого объявления люди, которые пришли последними заволновались и один из них попросил слова. Дождь взмахом руки предоставил ему возможность высказать то, с чем они пришли.

– Мы приехали в Венецию по поручению папы Иннокентия! Папа требует прекратить подготовку и отменить Крестовый поход! Нельзя идти на поводу у европейцев и тратить деньги из казны на миссии, которые идут вразрез с учениями церкви! – медленно, чтобы все поняли смысл сказанного, произнес гонец Ватикана.

За столом все молчали. Через несколько минут, дождь поднялся и произнес ответную речь.

– Мы слишком много вложили в подготовку, вся эскадра уже готова к походу, добровольцев собрали с огромным трудом! Мы выступаем в поход!

– Вы понимаете, что Ватикан против этого похода? – с некоторым изумлением спросил гонец.

– Да! Мы понимаем! Единственное, что я могу обещать, мы не войдем в Египет! – твердо ответил дождь и вернулся к своему завтраку.

Все остальные гости, следуя за своим правителем стали выбирать предлагаемые закуски. Посланники Ватикана дружно встали и покинули зал. Воцарилась тишина. Очередное отлучение от церкви было нежелательным для Венеции, все это понимали. Но дождь нарушил тишину убедительной речью о том, что отлучения не будет, он сможет «купить» благосклонность церкви. Все присутствующие лишь неуверенно кивали. Через полчаса в зал вернулась атмосфера воодушевления от предстоящего похода. По окончании завтрака дождь покинул зал и вернулся в свои покои, чтобы провести приватную беседу с французским адмиралом, а все остальные гости, как и предписано, направились в верхнюю аркаду для неспешной прогулки по дворцу в непринужденных беседах обо всем, что на этот момент волновало городскую знать. Мари всегда сопровождала свита, поэтому легко оказаться, наедине с капитаном она никак не могла. Он тоже хотел увидеть ее, поговорить о незначительных событиях в светской жизни республики, чтобы хоть на миг оказаться рядом с ней, услышать ее голос, почувствовать запах, поймать лишь мимолетный взгляд. Он сделал шаг ей навстречу, и она тут же воспользовалась предоставленной возможностью. Кивком головы она дала понять слугам оставаться на месте и подошла к капитану, громко поздоровавшись для того, чтобы отвлечь внимание и поинтересовалась состоянием здоровья рыцарей и их свиты. Он бодро отвечал на ее вопросы, рассказывал, что происходит на судостроительной верфи и постепенно, они вышли в верхнюю галерею. Свита следовала сзади, на достаточном расстоянии, чтобы не мешать разговору и быть поблизости, как подобает. Мари убедилась, что их никто не услышит и тихо шепнула Андре, что будет ждать его после захода солнца в нижней аркаде, у седьмой колонны от Собора Святого Марка. Затем они продолжили беседу и присоединились к остальным гостям. Теперь надо было поговорить немного с гостями и вернуться в свои покои. Мари не терпелось поскорее увидеть плод работы мастера, исключительную маску, таящую в себе какой-то секрет, не понятно пока какой. Если она сделала все правильно, то должна получить обещанное старушкой счастье, которое на данный момент заключалось для нее, лишь в обретении любви. И предметом ее обожания был Андре. Он ни на минуту не выходил у нее из головы. На какое-то время она даже устыдилась своей неожиданной страсти, но быстро справилась со своими эмоциями и вернулась к мыслям о вечернем свидании. Она решила скрыться под широким плащом и надеть маску, которую изготовил Федерико. Избавиться от свиты будет сложнее, но она придумает для них занятие, которое точно отвлечет девушек от слезки за своей госпожой. Она подошла к группе молодых французских военных и, пожелав им удачного похода, пригласила вечером в зал для игр, который находился во дворце рядом с малым залом для заседаний Совета. Оставшись довольной своей сообразительностью она, наконец, отправилась в свои покои. Приказав

по дороге привести к ней мастера, она присела в кресло у камина и стала ждать. Федерико несмело вошел в приемную и ждал, когда Мари обернется и заметит его. Он тихо кашлянул и Мари обернулась. Она махнула рукой, приглашая его войти, и снова повернулась к камину. Мастер подошел к ней и протянул завернутую в ткань маску. Мари, не поворачивая головы, взяла сверток и положила на колени.

– Что Вы заметили, когда готовили маску? – спросила она мастера.

– Ничего особенного! Вот только мне пришлось покрыть бархат специальной краской, поскольку ткань начала портиться, и в некоторых местах бархат высыпался. Но это совсем не портит маску, поверьте! Она даже лучше выглядит, более роскошно! – словно оправдывался мастер.

– Я не против Ваших доработок! Вы же мастер! Но других недочетов или особенностей Вы не заметили?

– Нет! Ничего особенного! Камни держатся хорошо, я закрепил их дополнительно, перья скроют волосы, а вуаль – шею, до плеч! – виновато улыбаясь, говорил Федерико.

– Хорошо! За работу получите, вот это! – протягивая мешочек с монетами, сказала Мари и встала, чтобы выйти из каминной комнаты.

– Спасибо, госпожа! – с поклоном вымолвил мастер и принял мешочек.

– Если понадобится, я Вас вызову! – ответила Мари и быстро покинула комнату.

Войдя в свою спальню, она попросила слуг оставить ее и присела на кровать, разворачивая ткань. Ее взору открылось настоящее произведение искусства. Маска блестела и переливалась бликами, которые отражали камни, придавая им разные оттенки, от зеленого, до светло-розового. Мягкая бархатная ткань придавала маске загадочность и нежность, перья, выкрашенные в золотой цвет, создавали образ королевской тиары, а драгоценные камни, выложенные затейливыми узорами, украшали всю маску. Мари замерла от восторга, охватившего ее от созерцания этого роскошного произведения искусства. Работа мастера была действительно великолепна, заслуживала очень высокой оценки и Мари даже пожалела, что слишком мало ему заплатила. Но подумав немного, решила, что сможет еще многое сделать для применения его мастерства. Она оттягивала момент примерки, боялась чего-то. Ведь поверив первой встречной старушке, она могла навлечь на себя немалые неприятности, но и использовать маску другому человеку, нельзя было позволить. Неизвестно, какой силой она в действительности обладает. Посидев у камина еще какое-то время, она встала и подошла к зеркалу. Медленно поднимая маску к лицу, она очень сильно волновалась, но вспомнив своего возлюбленного, надела ее, осторожно натягивая на лицо. В прорези для глаз она посмотрела в зеркало, но увидела полностью все свое отражение и необыкновенно красивую маску, которая стала еще больше «играть» красками в свете мерцающих свечей. Она была похожа на сказочную принцессу, словно нарисованную талантливым художником для рождественской сказки.

– Что это такое? Ведь маска должна иметь какую-то силу, но какую? Я никаких перемен не вижу? – удивлялась Мари, однако маску снимать никак не хотела, слишком великолепной она была.

В какой-то момент ей захотелось просто танцевать перед Андре, чтобы он любовался ею, не видел в ней знатную особу, а просто красивую участницу карнавала. Налюбовавшись своим отражением, Мари сняла маску и положила ее на кровать, чтобы еще какое-то время радоваться, любуясь игрой цвета на ее «лице». Раздеться она решила сама, без помощи слуг, чтобы никто не увидел ее сокровище. Пока она снимала платье, мысли о свидании с Андре никак не покидали ее сознание. Она ловила себя на том, что все это становится для нее навязчивой идеей. Надо было как-то контролировать свои эмоции, ведь ее положение не давало возможности жить по своим законам. Были только законы страны и общества, которое восхищалось ею, и лишить их идеала она не имела никакого права. Она не имела права стать обыкновенной женщиной такой, как многие другие. Она должна быть особенной, непогрешимой, идеальной

во всем, особенно в вопросах морали, ибо являясь особой исключительной важности, должна быть примером для общества. Поэтому допустить крушения идеала в глазах своего народа она не желала. Возлагая большие надежды на ту легенду, что поведала ей старуха, она хотела как-то защититься от окружающего мира, стать недостижимой для посторонних глаз и молвы, но ничего подобного не произошло, она все еще была уязвима.

Мари прилегла рядом с маской, решив дать себе немного отдыха перед свиданием, и стала размышлять о том, чем может обернуться для нее внезапная страсть к красавцу-французу. Было страшно броситься в этот омут, но желание любви преобладало над здравым смыслом. Оторвавшись от своих мыслей, Мари снова посмотрела на маску и вскочила с кровати, от изумления. Маска стала серого цвета, и ни один камень не был на ней заметен. Она растерялась, не понимала, что происходит и что надо делать. Машинально она накрыла маску покрывалом и отошла в сторону от кровати. Через секунду, дверь в ее комнату открылась, и вошел Дождь.

– Милая! Ты уже готова? У нас прием начинается через полчаса! Я пришел за тобой! Мне сказали, что у тебя гость! Кто он? – говорил с ней Дождь, направляясь к большому креслу в углу. Он хорошо ориентировался в ее покоях и мог без труда передвигаться внутри помещения.

– Я буду готова к началу приема! – дрожащим голосом ответила Мари, находясь в полу – шоковом состоянии от всего происходящего, – Но почему ты решил, что у меня в спальне может кто-то находиться? Я никогда никого не приглашаю в свою комнату?

– Мне всегда доносят информацию обо всех твоих передвижениях и гостях! – спокойно отвечал Дождь, не видя реакции Мари, которую никак нельзя было назвать спокойной.

– Я готовлюсь к карнавалу, и заказала карнавальную маску, с этой целью вызывала мастера во дворец! Я ведь не могу покинуть гостей и тебя в столь важный момент!? Только этот человек и приходил ко мне в приемную комнату! – заметно волнуясь, говорила Мари, искоса поглядывая на кровать, где под покрывалом лежала маска.

Мари не могла знать, что произойдет, если дождь прикоснется к ней, ведь до конца еще не ясно, какими свойствами она обладает. Именно поэтому, она боялась открывать ее и со страхом ждала решения Дождя по этому поводу. Он же напротив, менее всего интересовался этой маской, а лишь возможностью проникновения кого-то в свой дворец с целью заговора, о чем и дал понять Мари, подходя к окну. Она знала, что показывать маску нет смысла, он все равно не сможет оценить ее красоты, но он мог просто удостовериться в ее наличии, чем вызвать совершенно непредсказуемые последствия. Трепет ее постепенно стал угасать, и она подошла к мужу, чтобы как-то увести его от этого опасного разговора.

– Я обещаю Вам, что никогда не пойду против интересов республики и Ваших интересов! Никогда не поставлю Вас в затруднительное положение перед Советом и Вашими подданными, не позволю, кому бы то ни было полоскать мое имя в сплетнях и доносах! Я сохраню Вашу честь незапятнанной! – выговаривая каждое слово, произнесла Мари и взяла Дождя за руку.

Он не стал сопротивляться ее порыву и слегка привлек к себе, опуская голову к ее уху. Прошептав ей несколько слов, он поцеловал украшенную дорогими кольцами руку и вышел из спальни. Мари стояла, не шелохнувшись, еще какое-то время, словно обдумывая сказанное Дождем и, спохватившись, кинулась к кровати, чтобы посмотреть состояние маски. Отдернув покрывало, она увидела маску в ее первоначальном облике и замерла в искушении потрогать ее. Медленно потянувшись к ней, как бы ощупывая, она касалась лишь кончиками пальцев камней, перьев, ткани. Ничего настораживающего не было. Мари взяла маску в руки и надела ее на свое лицо. Яркий сноп разноцветных искр осветил всю спальню, заиграл по стенам и окнам, и неожиданно все исчезло. Все, и Мари в том числе. Она стояла перед зеркалом и не видела в нем никого отражения, ни малейшего цветового пятнышка, ни пылинки, ни даже тени, которая могла свидетельствовать о присутствии в комнате кого-то.

– О Боже! – только и смогла прошептать Мари.

Стоя перед зеркалом, она никак не могла поверить в то, что происходит и попыталась пошевелиться. Ничего. Она покрутилась, повертела головой, подняла руки, но ничего не изменилось. В комнате, по-прежнему, было пусто.

– Дева Мария! – сказала она уже вслух.

Предсказание старушки сбылось. Мари получила маску, которая могла скрыть ее полностью, в любое время и в любом месте. Это чудесное свойство, безусловно, могло быть очень полезным в любом деле, не только в тайном свидании. Главное, не поддаваться соблазну совершить в ней что-нибудь плохое, противозаконное. Эту заповедь она хорошо усвоила. Но никакого умысла у нее и не было, она лишь хотела выполнить данное мужу обещание – не позволить никому потешаться над Дожем. Разумеется, все понимали, что их брак простая фикция и она, молодая, красивая женщина, не должна была угасать во дворце рядом с мужем – стариком, к тому же почти слепым. О ее красоте он знал лишь по рассказам придворных слуг и Членов Правительства. Наверняка, он и сам понимал, что она достойна быть счастливой, но ничего не мог ей предложить, даже не смотря на то, что венецианское общество отнюдь не отличалось высокой моралью и правилами приличия. Для многих не было секретом, что жены членов Совета всюду развлекались с молодыми офицерами, в то время, как их мужья вершили судьбу Республики и искали в бесконечных собраниях и беседах выходы из очередного кризиса или неадекватного положения, в которое Венецию ставил Ватикан. Все эти беды с завидным постоянством обрушивались на голову многострадальной республики, но никак не влияли на разгульную жизнь ее подданных. Игрные дома и карнавальные утехы, не прекращаясь, кружили состоятельных граждан в вальсе хмельной жизни, изобилующей удовольствиями, а иногда банальным развратом, и ничто не могло остановить эту вакханалию, даже сам Господь Бог. Отлучения от церкви никак не волновали венецианцев, что вызывало гнев и негодование Ватикана. Свои привилегии Венеция с легкостью возвращала очередными завоеваниями и пополнениями казны Ватикана. Но Дождь справедливо считал, что он и его семья должны быть примером добропорядочности и чести в глазах народа и знати, поэтому считал своим долгом блюсти честь семьи постоянно и беспрекословно. Иначе, никакого подчинения и тем более добровольных подвигов в угоду королю не будет. Мари знала позицию Дожа в этом вопросе и старалась всегда следовать его правилам. Но в данный момент ее обуревала радость от того, что теперь, когда у нее есть необычная маска, она сможет хоть немного прикоснуться к миру счастья, почувствовать, что такое любовь во всех ее проявлениях и, быть может, это будет стоить ей очень дорого, но она сможет обрести радость жизни, которая заключается вовсе не в наличии богатства и власти, а в простом человеческом счастье быть любимой, и любить сердцем и душой, а не разумом. Узнать, что же такое любить человека и быть готовой к самопожертвованию во имя этой любви, и возможно ли это на самом деле. Она приняла решение пойти до конца, и назад пути уже не было.

К тому времени служанки изнемогая от любопытства, что же за сюрприз приготовила для них догаресса, толпились перед ее покоями. Они так громко смеялись и разговаривали, что Мари стал раздражать создаваемый ими шум. Она спрянула маску в мешочек и закрыла у себя в сейфе, после чего вышла в приемную комнату и командовала всем подойти к ней ближе. Служанки окружили ее плотным кольцом, и с широкими, довольными улыбками ждали, что она скажет.

– Сегодня вечером, после ужина, я решила организовать для молодых французских военных развлечения в Малом зале! Я прошу всех вас принять участие в этом небольшом приеме и развлечь молодых людей! Игры можете придумать сами, а вот музыку я обещаю организовать в лучших традициях дворца! – огласила свое решение Мари и ждала реакции девушек.

Те устроили такой шум, что вошла стража дворца, чтобы узнать причину столь бурной радости. Кто-то из девушек смог разъяснить им в чем и дело, и они удалились. Мари вернулась в свои покои, а девушки бросились в свои комнаты подбирать наряды для предстоящей игры.

Мари вызвала придворного музыканта, чтобы отдать распоряжения по поводу музыки для развлечения молодежи. Убедившись, что все организовано, она стала готовиться сама, выбирая платье не сильно яркое, чтобы не выделяться среди нарядных девушек и легко выскользнуть из зала незамеченной. Серое платье, украшенное кружевными цветами и высоким воротником, подходило идеально. Мари выложила его на кровать и позвала служанку приготовить ванну.

– И положи в воду лепестки цветов! – крикнула она вслед молоденькой девчужке, которая всегда готовила ванну для нее.

– Слушаюсь, госпожа! – ответила та и тихонько вышла из спальни.

Мари приняла ванну и села напротив зеркала, ожидая мастериц причесок, которые всегда укладывали ее непослушные кудрявые волосы. Пока они колдовали над ее прической, Мари рассматривала украшения, уложенные в многочисленные отделения большой шкатулки. Выбрав жемчужное ожерелье, она положила его на столик и искала длинные серьги, подходящие к нему. Надев с помощью горничной платье, Мари послала за своей свитой, неизменно сопровождающей ее на всех мероприятиях во Дворце. Когда все девушки собрались, она покинула свои покои и направилась в большой зал для приемов. На ужин были приглашены все рыцари, которые участвовали в Крестовом Походе – французские рыцари и их свита, военные высших чинов и послы европейских государств. Дамы, присутствовавшие на ужине, были из разных слоев общества. Их пригласили, учитывая то, что далеко не все мужчины были обладателями высоких чинов и титулов.

За ужином вновь говорили о галерах, предстоящих завоеваниях и будущем процветании Венеции. Было шумно и как-то восторженно. Все ждали предстоящие игры, после которых планировались бальные танцы. Только Мари и Андре были более сдержаны, каждый из них думал только о свидании в нижней галерее. Мари боялась, что Маска не скроет ее от окружающих, как в первый раз, когда она ее примерила, Андре мечтал о том, как поцелует возлюбленную. Хотя и он тоже опасался быть застигнутым стражниками Дожа, ибо в этом случае неминуемо оказался бы в тюрьме. А его адмирал был бы в очень затруднительном положении. Поэтому вся эта затея казалась ему, слишком опасной авантюрой, но желание обнять Мари превосходило по своей силе желание быть благоразумным. Он с нетерпением ждал, когда закончится ужин, и все пойдут в Малый зал, чтобы придаваться веселью, которое отвлечет их внимание от Мари. Но оставались еще драбанты, которые не оставляют свои посты ни в каких случаях. Выйти из зала незаметно было очень проблематично, и Андре не мог даже представить, как Мари сможет это осуществить, ведь встречаться открыто они никак не могли. Пока он витал в своих размышлениях, ужин закончился, и гости стали подниматься со своих мест. Дожд пригласил всех в Малый зал, где уже разместились музыканты, и все было готово к началу развлечений. Гости, заметно взбодрившись, покидали Большой зал, лишь Мари оставалась на своем месте, а вместе с ней и ее свита. Андре не мог задерживаться дольше, это было бы уже неприлично, поскольку адмирал уже покинул зал и разговаривал с Дожем в соседнем зале. После того, как все гости покинули Большой зал, Мари встала и, кивком давая понять свите, что можно идти развлекаться, медленно пошла по направлению к выходу. Девушки, нетерпеливо оглядываясь, спешили быстрее оказаться в Малом зале и предаться, наконец, всеобщему веселью. Они шли несколько быстрее и покинули зал, немного, раньше Мари. Именно эта небольшая разница во времени дала ей шанс незаметно выскользнуть из зала и исчезнуть в одной из бархатных занавесей, скрывавших дверь в коридор, соединяющий зону приемов с покоем дожа. Она знала, что увлеченные молодыми кавалерами, девушки не сразу заметят ее исчезновения, а потом будет поздно устраивать показательные истерики, чтобы не вызывать гнев Дожа. Вернувшись в спальню, где ее ждала заветная Маска, Мари спешно накинула шелковый плащ, грифельно-серого цвета и, развернув ткань, достала Маску. Немного задумавшись, она медлила с тем, чтобы надеть ее, но шум за дверью заставил вздрогнуть, и быстро надев ее, спрятаться за портьерой. И действительно, в спальню очень тихо приоткрыв дверь, вошел драбант

и опасливо заглядывал то за шкаф, то за плотную штору около двери. Быстро окинув взглядом все пространство, он вышел и медленно двинулся дальше, видимо осматривая все покои догарессы. Мари стояла за портьерой и боялась выглянуть, не понимая, кто послал драбанта осматривать ее покои. Это мог сделать только ее муж. Но для чего? Она не давала ему никаких поводов подозревать себя в измене. Постояв так несколько минут, дождавшись, когда шаги стражника стихнут, она вышла из своего убежища и подошла к зеркалу. Своего отражения она в нем не увидела. Не шелохнувшись, она простояла неподвижно около пяти минут, затем, подняла руки и распахнула плащ. Ничего. На этот раз не было даже тени. Она поняла, что Маска, наконец, проявила свою силу и скрыла Мари от глаз окружающих. Чувствуя, что прошло уже достаточно времени с тех пор, как она покинула зал, Мари спешно вышла из спальни и отправилась напрямик в нижнюю галерею, где ее давно уже должен был ждать Андре. Было темно, ощущался легкий морской ветерок, который слегка приподнимал плащ и пугал Мари своим шелестом. Она увидела Андре и немного сбавила темп движения. Задержавшись у одной из колонн, она несколько секунд наблюдала за любимым, который то и дело осматривался, словно боялся появления кого-то постороннего. Мари вышла из-за колонны и быстро подошла к Андре, слегка прикоснувшись к его руке. Он вздрогнул, не понимая, кто мог прикоснуться к нему, когда вокруг никого не было. Мари отступила от него на шаг и тихо сказала: Андре! Не пугайтесь! Это я, Мари! Вы не сможете увидеть меня, я – невидимка! На мне Маска, которая обладает чудесным свойством – скрывать мое тело, делать меня невидимой! Я не смогу ее снять, чтобы доказать это Вам, но Вы должны мне верить! У нас мало времени, поэтому не надо бояться, я только подойду ближе и возьму Вас за руку! Затем, Вы сможете меня обнять и почувствовать мое тело! Мари ненадолго застыла в ожидании и, увидев интерес в глаза Андре, сделала решительный шаг ему навстречу. Осторожно положив руку ему на плечо, она подождала, когда он расслабится, и стала к нему лицом, беря его кисть в свою руку. Он нагнулся немного и на ощупь стал исследовать ее фигуру. Поняв, что перед ним действительно стоит женщина, он прижал ее к себе и почувствовал легкий шлейф ее духов. Все еще не понимая, что происходит, он прижал ее к себе, всю полностью, и наслаждался этой близостью, несмотря на нелепость подобного положения. Каждой клеткой своего тела, ощущая ее тепло, такое родное и вожаденное, он хотел поцеловать ее, но твердая поверхность Маски не позволяла ему этого сделать. Он попросил Мари повернуть Маску назад и позволить ему поцеловать такие близкие, но недоступные губы, даже невидимые, манящие его с огромной силой. Мари осторожно повернула Маску, боясь повредить ее чем бы то ни было, даже своей рукой, и сама прижалась к его губам, осторожно раздвигая их небольшим нажимом. Андре сразу же ответил на ее движение и стал со страстью неопытного юноши целовать ее, постепенно переходя к более настойчивым и сильным ласкам. Он целовал ее губы, а руками ласкал все тело, спускаясь от шеи к груди, задерживая одну руку, второй спускался ниже, к талии, затем к бедрам. Наконец, опустился на колени и начал целовать ее тело поверх платья, не оставляя сомнения в своей безудержной страсти и желании доставить ей удовольствие прямо здесь и сейчас. Она остановила его порыв, взяв в ладони голову, и опустилась на колени рядом с ним.

– Постойте! Не надо! Я не могу остановить Вашу страсть, но она чревата! Вас могут увидеть, услышать, в конце концов! Здесь не безопасно! Мы должны найти место для нашей встречи где-то далеко, на острове Мурано! Там меньше вероятности попасться в руки стражников Дожа или кого-либо еще! Обещайте мне, что найдете для нас безопасное место, и мы сможем встретиться там завтра, после заката, когда Ваш адмирал и мой муж будут на Совете!

– Хорошо! – прошептали его губы, – Я не могу отпустить Вас сейчас, но мой долг обязывает сделать это! Если бы Вы знали, как я счастлив, хотя бы ощущать Ваше тело рядом со мной! Я с ума схожу! Я люблю Вас!

Мари была на седьмом небе от счастья и тех эмоций, что испытывала впервые в своей жизни. Она и подумать не могла, что настоящая любовь может приносить столько радости

и неопишуемого блаженства в руках любимого человека. Ее тело просто таяло от его прикосновений, она теряла способность управлять своими движениями. Еще раз, обняв его и прижимаясь к великолепному телу, она сама поцеловала его и стала подниматься.

– Нам пора! Могут хватиться меня и обнаружат, что нет и Вас! Нам не нужны никакие подозрения! – прошептала Мари и быстрым шагом пошла обратно во дворец, оглядывая видимые части галереи. Андре не мог даже пошевелиться от полноты тех эмоций, что испытал несколько мгновений ранее. Он до конца верил, что целовал женщину, которую чувствовал всем своим телом, но не видел глазами. Подобное волшебство казалось ему безумством, в которое невозможно поверить, но ведь совершенно точно ее целовал!? Даже ее запах до сих пор сохранялся на его губах! Он встал с колен, когда уже перестал даже ощущать свои ноги, огляделся и вдруг, словно поняв, что находится в реальном мире, стал двигаться в сторону дворца, чтобы вернуться в зал, где должен был находиться рядом со своим адмиралом. Он вошел в Малый зал, когда там вовсю развлекались молодые офицеры с девушками как увенчанные титулами, так и простые придворные служанки из свиты догарессы. Оглядывая зал, он искал глазами адмирала, но никак не мог увидеть его. В углу, возле большого игрового стола, он вдруг заметил нескольких нарядно одетых девушек, окружавших Мари. Она стояла вполоборота к залу и что-то говорила одной из них, жестом указывая на оркестр. Затем, девушка пошла в сторону музыкантов, а Мари в упор смотрела на него. Их взгляды встретились, и они оба застыли, словно говорили друг другу слова благодарности за те поцелуи, которыми несколько минут назад одаривали друг друга. Они оба ничего не видели и не слышали вокруг, лишь наслаждались фантазиями, понятными только им двоим. Вырвали Андре из грез слова, сказанные адмиралом прямо у его уха.

– Андре! Я Вас искал абсолютно, везде! Вы нужны были мне? Где, черт побери, Вас носило?

– Простите, мой адмирал! Я виноват! Но со мной случился приступ желудочных колик, видимо, ужин не слишком понравился моему организму! – пытался как-то смягчить гнев адмирала Андре, но тот оставался в пугающе грозном настроении.

– Вы должны были меня предупредить, а не исчезать внезапно!

– Я не мог найти Вас, Вы слишком быстро покинули зал, а мне уже невольно было, простите!

– После танцев, Дож ждет нас в своих покоях! Мы должны обсудить наш поход, и Вы нужны будете мне, непременно!

– Да, конечно, адмирал! Я буду здесь, Вы сможете видеть меня постоянно!

Тот, молча, повернулся и пошел в сторону компании знатных господ, бурно обсуждавших что-то возле высокого стола, уставленного бокалами с вином. Андре стоял возле колонны и смотрел на Мари, которая, изредка кидая на него короткие взгляды, о чем говорила с женой французского посла. Обе дамы были удивительно хороши и выделялись среди остальных гостей дворца. Андре откровенно наслаждался красотой Мари и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете, не понимая, чем заслужил счастье быть любимым такой знатной дамой, к тому же красавицей и необыкновенной и загадочной женщиной. О том, что целовал невидимую, но ясно осязаемую женщину он уже и не думал, а мечтал лишь об их свидании в укромном, незаметном домике на Мурано, который давно уже присмотрел для себя. Он собирался уединиться в нем, чтобы сделать записи для своего журнала, в котором отражал все значимые события, темы переговоров и незначительные события и встречи, которые происходили во время подготовки к Походу. Он вел эти записи всегда, с самого начала своей службы. Они много раз помогали ему сделать правильные выводы и дать нужный совет адмиралу. Вот и теперь, он позаботился о тайном месте для работы, чтобы не быть раскритикованным кем-нибудь из венецианцев. Он тайно наблюдал за действиями всех участников Совета и делал заметки обо всем, что считал важным и заслуживающим внимания. Он должен был сформировать

ровать четкий взгляд на политическую ситуацию в Республике. Важно было все. Кто выделяет средства для строительства флота, для организации похода, кто является главным советником Дожа, как распределены силы в Республике, чего ожидают венецианцы от Крестового похода и какую пользу его стране принесет объединенный поход с Республикой. От мыслей о местной знати его отвлек громкий смех из дальнего угла зала. Кто-то из девушек выиграл в состязании, и все подруги дружно аплодировали победительнице. Он снова встретился взглядом с Мари и увидел в нем любовь и желание, что убедило его сообщить ей сегодня же вечером о том, где находится домик для их свидания, и что они могли бы встретиться там уже завтра. Он решил не откладывать разговор и пошел в сторону развлекающейся молодежи. Делая вид, что интересуется игрой, он даже попробовал сам принять в ней участие, а когда заметил, что Мари собирается покинуть общество, уронил свою фишку на пол, нагнулся, чтобы поднять, зацепив ее платье. Он стал извиняться и попросил разрешения проводить ее из зала. Она не отказала ему, поскольку с ней была еще свита из шести девушек. Андре тихо сообщил ей, где находится домик и сказал, что будет ждать ее там весь вечер. Это был маленький сельский домик, расположенный рядом с церковью Сан-Дonato – Матриче. Со стороны главного входа в церковь его совсем не было видно, и дорожка из церкви проходила так, что домик скрывался с одной стороны главной стеной храма, а с другой – пышным кустом дикой розы. Войти и выйти из дома, можно было совершенно незаметно, что и послужило основным критерием для выбора Андре. К тому же он любил посещать итальянские церкви из-за их необыкновенной архитектуры и произведений искусства, украшающих внутренне убранство, словно в них хотели выразить всю свою любовь к богу и этому месту, давшему убежище многим изгнанникам Северной Италии. Вот и церковь Сан-Дonato, которая изначально была посвящена Деве Марии, переименованная после того, как туда были перенесены из Кефаллонии мощи святого Донато, была построена и украшена романскими мастерами старой архитектурной школы. В ней сохранились мозаичные полы в греческом стиле, волнистые как море. А в глубине, в тени апсиды, можно было увидеть необыкновенно красивое изображение греческой Мадонны, написанное на золотом фоне. Церковь менее помпезна, чем главные соборы Венеции, но обладающая особенной красотой, состоящей из многоцветия мрамора, узоров и мозаики пола, глядя на которые можно представить, как муранские рыбаки протирали голыми коленями эти переливающиеся волнами шашечки мозаики, ежедневным преклонением перед господом. Именно этому буйному духу венецианских красок, предстояло получить завершение в полотнах Тициана. Андре просто благоговел перед всеми этими сокровищами архитектуры и искусства, и при любой возможности старался прочувствовать дух ушедших эпох, увековеченный в строениях и скульптурах, фресках и капителях колонн. В одно дождливое утро он стоял в соборе и размышлял о том, как он впервые ступил на землю Италии, и эта страна просто пленила его с первого взгляда. Совершенно точно вся страна представляла собой музей под открытым небом, и он был счастлив оказаться теперь в Венеции, которая, по его мнению, не имела себе равных в концентрации произведений архитектурного искусства. И сейчас, стоя в церкви Сан – Донато, он разглядывал капители белых колонн, украшенные резьбой, в то время как капители мраморных колонн были лишены украшений, чтобы не отвлекать взгляд от необыкновенного цвета мрамора. Он мог часами рассматривать узоры, находя в них смысл, заложенный мастером. И это доставляло ему огромное удовольствие. Он представлял, как мастер кропотливо вырезает узор на острых мраморных клиньях, составляющих орнаментальную кайму и уложенных изящной мозаикой, вкрапленной в кирпичную кладку. Андре вышел из церкви и посмотрел на галерею, скрытую в тени самого собора.

– Ах, как хорошо прогуливаться здесь летним вечером, вдали от досужих наблюдателей и размышлять о смысле жизни! – думал он, не замечая дождя и того, как намокает понемногу его одежда. Он думал о женщине, которую видел во дворце и непременно хотел оказаться с ней здесь, в этом тихом месте, наполненном божественной красотой и поэзией чувственных изоб-

ражений жизни, как ее видели мастера предыдущих столетий. Он не знал тогда, что судьба сведет его с этой женщиной самым неожиданным образом и что окажется она ни кем иным, как женой правителя. Не знал он, какие испытания готовит ему судьба и что последует за их пылкими свиданиями. Но каким-то образом он почувствовал, что именно эта церковь станет для него путеводной звездой. Отходя от нее в сторону, противоположную небольшому каналу, он заметил несколько небольших строений, немного в стороне, но на небольшом расстоянии от собора. Он решил, что это дома служителей церкви, а подойдя ближе, увидел, что живут в них от силы две семьи, скорее всего рыбаков. Он подошел к женщине, развешивающей детскую одежду на веревке за оградой, и спросил, нет ли здесь свободного дома внаем. Молчаливо рассматривая незнакомца, она подходила ближе и, дойдя до ограды, наконец, произнесла:

– Вы француз?

– Вы правы! Но какое это имеет значение? – спросил Андре.

– Никакого! Если не учитывать того, что вы пришли сюда забрать наших мужей! Лишить нас кормильцев и наш город отличных мастеров! – это все она говорила, глядя прямо в глаза Андре.

– Я так не думаю! Мы призываем только добровольцев! Мастера, художники, архитекторы уж точно не пойдут в Поход! И каждый вправе сам решать, присоединяться к рыцарям или нет!

– Что Вы хотите? – недослушав его, просила женщина.

– Я хочу снять небольшой домик на месяц!

– Хорошо! Заплатите сразу! Вон тот домик, у церкви, с маленьким садом! – махнула она рукой куда-то позади себя.

Андре глянул в ту сторону и понял, что это именно тот дом, который полностью подходит для его целей. Скрытый деревьями и цветущими кустарниками, отгороженный большой стеной собора и расположенный на краю поляны, примыкающей к каналу, как нельзя подходил для его уединения. Он сразу же попросил показать комнаты и остался доволен увиденным. Комнаты были большими и светлыми. Никакого особого убранства не было, но вся мебель была новая и следов длительного проживания других людей он не заметил. Женщина сказала, что здесь должен был жить новый священник, но он не приехал и дом пока остается пустым. Этот факт убедил Андре сразу же оплатить требуемую сумму. Он взял ключ и отправился назад в Венецию, чтобы участвовать в заседании Совета, вести свои записи для составления стратегических планов военной операции, в которой французский адмирал играл ключевую роль. Андре всегда вел краткие заметки, а после восстанавливал все события, речи и подробно описывал в своих дневниках и журналах. Ему важно было оставаться в уединении, чтобы полностью концентрироваться на своих записях. Тот факт, что он был всегда рядом с адмиралом, говорил лишь о том, что тот не мог обходиться без советов и выводов более образованного и грамотного военного капитана. Андре никогда не злоупотреблял своим положением и достаточно объективно относился как к самому адмиралу, так и к их тандему. Он достойно выполнял свой долг перед страной и армией короля, французским рыцарством. Вот и сейчас, когда судьба его стала поворачиваться совсем не так, как он планировал, Андре делал все для того, чтобы неожиданные перемены в его жизни никак не повлияли на благополучный ход подготовки Крестового похода. Венеция должна была предоставить более 400 военных кораблей для Похода, и адмирал французского рыцарства был во всех переговорах ключевой фигурой. Все свои решения он принимал только при поддержке Андре. Его выводы и аргументы играли основополагающую роль, поскольку всегда были обдуманы, осмыслены и просчитаны с особой точностью, на основании глубоких фундаментальных знаний стратегии и тактики военного дела.

Андре вернулся в Венецию. Его гондола медленно проплывала по красивому каналу, разбивающему надвое скопление островов, которые составляли великий и прекрасный город. В очередной раз он восхищался той силой, что противостояла стихии и не давала возможно-

сти морю поглотить творение человеческих рук, сказочный город и его жителей, таких свободных и независимых, как сама природа. Гондола причалила у небольшого строения, похожего на склад или хранилище. Андре прыгнул на шаткий причал и быстро вошел внутрь. Там его ждал посыльный из Франции с особым письмом для адмирала. Андре быстро взял пакет, сунул в руку молодого паренька мешочек с монетами и тут же покинул строение, вернувшись в гондолу. Адмирал ждал его в своем кабинете, в доме знатного французского вельможи, который устроил в этом доме их с Андре в знак особого уважения к старинному другу и его миссии. Быстро входя в кабинет, Андре протянул письмо адмиралу и сразу же спросил, когда нужно появиться во дворце. Он должен был привести себя в порядок для приема и последующего вечера. Именно в тот вечер он впервые смог поговорить с Мари.

Теперь дом, в котором Андре уединялся для работы над документами, становился для него самым счастливым местом на земле. В нем он сможет встречаться с Мари, единственной женщиной на земле, ради которой он мог бы рисковать не только своей карьерой, но и доверием к своей миссии в целом. Ведь в случае, если об их связи станет кому-нибудь известно, на карту может поставлено участие в Крестовом Походе его адмирала, а это уже повлечет очень серьезные последствия для многих участников похода. Венеция заинтересована в Походе, ей нужна Зара и нужны доходы казне. Но, окажись Андре в тюрьме, адмирал останется без «головы», а значит и без шансов на успех в операции по завоеванию Константинополя, на который у крестоносцев были серьезные планы. Он постоянно думал об этом, но лишиться возможности обнять, наконец, Мари никак не мог. Он надеялся на уединенность местности и расположение самого дома, удачно скрытого от глаз посторонних. К тому же Мари владела загадочной маской, о происхождении которой никто не смог бы догадаться. Андре никогда не поверил бы в это волшебство, если бы не испытал все на себе. Понять, как такое вообще возможно, он не мог. Его научные знания полностью отвергали вероятность такого эффекта, но он присутствовал при этом лично, что просто ставило крест на всех учениях физики вместе взятых. Но в данном случае он готов был на все закрыть глаза, лишь бы осуществить свой замысел и оказаться незамеченным со своей любимой женщиной. Прежде всего, он думал о ее благополучии, лишь потом о своем. Он прекрасно понимал, что уязвленное самолюбие пожилого, незрячего Дожа могло сокрушить все на своем пути, учитывая присутствие такого количества знатных господ из Европы, а так же скорость распространения сплетен в самой Венеции. Какое доверие может оказать народ своему правителю, который не может контролировать даже собственную жену не то, что целый флот. Андре думал об этом свидании как о сложной военной операции, для которой требовалась определенная тактика и сноровка. Он просчитывал сложные ходы любой миссии, но встречу с женой Дожа он просчитать не мог. Прежде всего, потому, что не знал, какой способ попасть на остров выберет она сама. Прислуга ее сопровождать не сможет, это ясно. Но как же она выйдет из дворца? Ее свита постоянно находится рядом. Все эти мысли не давали ему возможности сосредоточиться на главном, как самому организовать свой визит. Адмирал в любой момент мог вызвать его к себе и заставить присутствовать на каком-нибудь приеме или тайном совете. Пока он размышлял, настало время последнего доклада адмиралу, и надо было спешить на остров, чтобы не пропустить Мари, ведь она не могла ждать его около дома, не могла рисковать и пользоваться своей гондолой. Она возьмет первую попавшуюся лодку, и как только прибудет на остров, вынуждена будет отпустить гондольера. Поэтому любые промедления с его стороны могут самым опасным образом сказаться на судьбе его возлюбленной. Он помчался в кабинет адмирала, чтобы как можно быстрее разделиться с делами и поскорее отправиться на остров. К его огромной радости, тот принимал у себя представителя местной знати и хотел поговорить с ним тет-а-тет, о чем сразу же сообщил Андре. Тот даже не смог скрыть своей радости по этому поводу, несколько удивив адмирала своим поспешным и восторженным уходом. Он быстро покинул кабинет и пошел в свою комнату переодеться и взять необходимые вещи для предстоящей ночи на острове.

Гондола Мари скользила по зеркальной глади воды, умиротворяюще покачиваясь от движения весла. Мари задумалась о том, какой неожиданный поворот может совершить судьба без предупреждающего знака. Еще недавно она считала, что в ее жизни уже ничего никогда не изменится. Одно и то же общество, скучающее от собственного ничтожества, страдающее от жажды досадить соседу, показать свое превосходство тем, кто и без того жалок в своем убожестве. Все они только и ждут развлечений, которые заключаются в играх, танцах, распутстве и интригах. Любое вторжение со стороны, будь то скитающиеся поэты или война соседним государством, все, абсолютное все приводит жизнь в движение и отсталое общество в восторг. Мари имела очень хорошее образование и дар к рисованию. В то время, как богатые содержанки унывали в тоскливых сплетнях среди себе подобных, Мари уходила с мольбертом к морю, или отправлялась со слугами на остров Лидо и писала необыкновенно чувственные и красочные картины, лишённые правда религиозного содержания, свойственного художникам того времени, но насыщенные нереализованной любовью и светом чувственной души. Она находила в этом занятии особый смысл, который заключался в том, чтобы уйти от реальности в другой красивый и сказочный мир, выдуманный ею, и не существующий по всем законам жизни. А вот теперь она вдруг увидела этот свет, исходящий у нее изнутри, в другом человеке. Именно он, этот свет, изменил ее взгляд на жизнь, она смогла поверить в чудо, пусть кратковременное, на то оно и чудо, но случившееся в ее жизни. Теперь ей хотелось только одного, чтобы все это было на самом деле, в ее жизни, такой серой и скучной, несмотря на бесконечные приемы, балы и развлечения, к сожалению всегда однообразные и не придающие жизни тепла и счастья. Муж ее любил, она это знала, но ее сердце оставалось для него холодным и неприступным навсегда. Она хотела стать матерью, подарить Дожу наследника, а себе отраду и счастье, но этого не происходило по многим причинам. Одной из таких причин была болезнь Дожа, которая не давала ему чувствовать себя полноценным мужчиной. Мари, как могла, убеждала его в обратном, но комплекс слепца и стареющего человека прочно укрепился в его голове. Она надеялась вернуть мужа в свою постель перед длительным и непредсказуемым походом, и вот теперь все изменилось, она была влюблена и хотела только одного мужчину – Андре. Только в нем она видела свое будущее и свое продолжение. Это было безумием, но оно того стоило. Среди болота пустой жизни венецианского общества, обрести большую любовь было просто сказочным везением, ведь почти все дамы высшего общества, да и простые женщины тоже, видели в своих мужьях лишь кормильца или надежного покровителя. О любви мечтали лишь ночами, в объятиях любовников или просто в мечтах. А ей повезло, она нашла любовь и, по-видимому, взаимную. И пусть за ней наблюдали сотни глаз, она смогла найти выход из этого положения и сейчас направлялась на свое первое свидание с любимым мужчиной. Она не могла представить, как это произойдет, но знала точно, это должно быть необыкновенно эмоциональное, насыщенное страстью и любовью свидание. Гондола обогнула остров, на котором стояла церковь и вошла в узкий канал, ведущий к домику свидания. Мари вышла из лодки и, отпустив гондольера, вошла в домик.

Андре вызвал слугу адмирала и попросил найти гондольера с острова Мурано, поскольку не хотел огласки, в случае если кто-нибудь заметит следы их свидания. Муранские гондольеры дорожили работой и уважением своего общества, поэтому, никогда не стали бы распространять слухи и, тем более, следить за своими клиентами. Андре предупредил адмирала, что может задержаться на острове, закончить свои записи. Тот не протестовал, поскольку собирался выходные провести за карточной игрой и развлечениями. Дожд отправился со всеми членами Совета в лагерь французских рыцарей и должен был оставаться там два дня. Необходимо было провести подготовку венецианских добровольцев, а для этого французские военные подходили, как нельзя лучше. Подготовка армии к Походу занимала сейчас все время и мысли Дожа. Именно этим и воспользовалась Мари, согласившись на свидание с Андре. Он был счастлив и мечтал об их встрече с первого дня, как только ее увидел.

Андре вышел из гондолы, отдал серебряную монету гондольеру и велел вернуться за ним через два дня. Подойдя к двери дома, он немного задержался, прежде чем войти, но потом уверенным движением толкнул незапертую дверь. В доме было прохладно и темно. Он поднялся на второй этаж, где находилась большая комната-гостиная и спальня. Там тоже никого не было. Он остановился у камина и осматривал комнату, словно хотел увидеть что-то, но не мог сосредоточить взгляд. Уже подумав, что Мари не смогла покинуть дворец, он устало опустил голову и хотел сесть в кресло, но услышал вздох и, обернувшись, увидел Мари, стоящую в проеме двери в спальню. В руках она держала Маску.

– Мари! – выдохнул Андре и кинулся к ней, беря ее за руки.

Он смотрел в ее глаза, пытаясь увидеть в них те чувства, что она испытывала в этот момент, но увидел только ожидание. Она ждала от него какого-то шага, который сможет вдохнуть в нее надежду на хорошее будущее для них обоих. Это было серьезным испытанием для самой Мари. Она жертвовала сейчас слишком многим, большим, чем Андре. Ее могли казнить, узнав о неверности мужу, правителю Республики, которая сейчас стояла на пороге большого события в истории. Что же до Андре, то максимальным наказанием для него было бы увольнение из армии. Поэтому вся ответственность за судьбу Мари была сейчас на нем.

– Я так счастлив, Мари! Я боялся, что Вы не сможете выбраться из дворца, и наша встреча не состоится! – на одном дыхании говорил Андре, не отрывая взгляда от ее лица.

– Я вышла из дворца, когда моя свита, обедала с вашими рыцарями в Малом зале приемов! Я надела обыкновенную маску и, закутавшись в плащ, вышла из дворца, притворившись вчерашней гостьей, задержавшейся на ночь! Под глупый смех драбантов, я выбежала на площадь и смешалась с толпой. Гондольеров в этот час всегда много у морских ворот и я села в одну из гондол. Маску Марии я надела уже здесь, покидая гондолу. Думаю, гондольер этого даже не заметил, он спешил назад, развлекать французских рыцарей и их воинов, соблазняющих одиноких венецианок. И мне очень страшно, Андре! – завершила свой рассказ Мари, отвернувшись к окну.

– Любовь моя! Я никогда не допущу того, что может принести тебе страдания! Я буду оберегать тебя и твою честь, можешь мне верить! Главное, чтобы во Дворце не заподозрили ничего, ведь ты покинула его не на один час!

– Сейчас все увлечены подготовкой к Походу и не станут придавать значения моему отсутствию, ведь многим известно, что я не люблю шумных мероприятий и развлечений! Моя свита будет только рада, что я не требую от них постоянного присутствия в моих покоях. Главное, чтобы Дождь забыл обо мне на эти дни! – ответила Мари, подходя к Андре.

Она положила руку ему на грудь и молча ждала от него утешения. Андре осторожно обнял ее и прижал к себе, боясь нарушить их идиллию в этот момент. Он чувствовал, что Мари доверяет ему и ждет каких-то действий с его стороны. Он не мог обидеть ее поспешностью, и не мог уже больше сдерживать своей страсти, охватившей его мгновенно, как только он вошел в дом и увидел ее. Он хотел целовать ее, обнимать, чувствовать каждый сантиметр ее прекрасного тела, манящего с удивительной силой, преодолеть которую становилось все более тяжело. Мари шевельнулась в его объятиях и подняла голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Она хотела увидеть в них любовь, несомненно, ведь именно это привело ее на остров, и именно этого не хватало ей в жизни. Она нуждалась в его любви, как уставший путник, идущий по пустыне, нуждается в глотке воды. Андре разбудил в ее сердце доселе неизведанное чувство, и она никак не могла потерять его, как и расстаться со своей мечтой о бесконечном счастье, которое дарует это чувство, называемое любовью. Ее тело жаждало ласки и страстных поцелуев, любовной схватки до рассвета и нескончаемых объятий сильных рук Андре. Он был так красив и мужественен, что не полюбить его всем сердцем, казалось невозможным. Он излучал силу и уверенность, с ним казалось, что никто и ничто в мире не сможет принести ей страдания. Он защитит ее и сделает самой счастливой женщиной на свете! Так она думала сейчас, в уют-

ном небольшом доме на острове Мурано, далеко от дворца и ее одиночества среди огромного числа людей, постоянно окружающих ее. Она не любила мужа, но очень уважала его. Он слишком много сделал для своей Республики и своего народа, чтобы заслужить к себе уважение. Несмотря на свой недуг, он продолжал заботиться только о благополучии Венеции, не щадя своих сил и здоровья. Он не мог подарить жене любовь, но старался сделать ее жизнь как можно менее унылой и мрачной. Ее постоянно развлекали приглашенные музыканты, комедианты и художники, дающие ей уроки рисования. Одного он не мог ей дать – любви! А она так нуждалась в этом. Она хотела иметь детей, чтобы стать, наконец, счастливой женщиной и матерью. Заботиться о них и учить разным наукам и искусствам. Радоваться их успехам и грустить вместе с ними о неудачах. Но всего этого она была лишена и уже отчаялась что-либо изменить. И вот судьба подарила ей встречу с французским капитаном, так прочно обосновавшимся в ее сердце, что представить свою жизнь без него она уже не могла.

– Мари! Счастье мое, посмотри на меня! – сказал Андре, опуская голову к ее лицу, чтобы посмотреть в красивые лазурные, как глубина моря, глаза.

– Я счастлива! – прошептала она и прижалась к нему, отдавая себя полностью в его распоряжение.

– Я люблю тебя, Мари! Люблю с первой встречи и буду любить всю жизнь! Обещаю! – шептал Андре, обнимая ее и целуя волосы, затем шею, опускаясь ниже, к вырезу платья.

Мари обмякла в его объятиях и ждала, когда он расшнурует на ней платье, чтобы облегчить дыхание, которое становилось все более глубоким и частым. Уже не было возможности сдерживать свою страсть, свое желание. Они оба хотели этого. Андре расшнуровал платье и обнажал плечи Мари, покрывая их нежными поцелуями, платье соскользнуло на пол, а она тихо стонала в предчувствии обжигающей страсти их ночи любви.

Закат окрасил небо в красивый пурпурный цвет, словно заливающий небо и море прозрачной краской. Из синевы моря вырос чудесный город со своими дворцами, мостами и каналами, которые тонут в дымке, стелющейся над лагуной. Сама природа сделала Венецию особенной. Окруженная со всех сторон водой, она словно отделяет себя от остального мира, что позволяет ее гражданам самим выбирать стиль жизни. И любовь к наслаждениям дошла у венецианцев до такой степени, что они желали бы превратить всю землю в сад радости. Именно эта философия царила сейчас о дворце Дожа, когда общество предавалось неумемному веселью, словно доживало последние дни радости и шумного восторга. Никто не заметил отсутствия догарессы, чем делали ей огромное одолжение. Незачем было беспокоиться о соблюдении всех ритуалов, а просто использовать каждую дарованную богом минуту в объятиях мужчины, перевернувшего всю ее жизнь. Она еще не представляла, до какой степени.

Потрескивали в камине, охваченные пламенем дрова, освещая комнату дрожащим оранжевым светом, придающим уют и блаженную красоту небольшому помещению. Андре жадно целовал Мари, нежно лаская белоснежное тело, смоченными ароматным маслом руками. Она стонала в томной неге и пыталась ответить на его ласки, но он все время останавливал ее, давая понять, что удовольствия сегодня только для нее. Он круговыми движениями ласкал ее грудь, приближаясь к затвердевшим соскам, сжимал их пальцами и снова возвращался к подмышечным впадинам, более настойчиво поглаживая область между руками и грудью. Мари стонала, ее тело слегка дрожало в предвкушении неземного удовольствия, которое вот-вот должен был ей подарить Андре, достигнув ее максимального напряжения. Он ждал того момента, когда возбуждение ее достигнет апогея и все тело будет умолять его о том, чтобы завершить этот акт более сильным и разрывающим натянутую нить ожидания, проникновением вглубь разгоряченного тела. Тела, жаждущего освобождения от раздражающей энергии предстоящего оргазма. Он старался доставить максимум удовольствия, чтобы близость с ним означала для нее только головокружительный танец любви, с неизменным счастьем наслаждения. Ее волосы растрепались в страстном порыве и красивыми волнами разметались по подушке, придавая ей

божественный и загадочный образ красивой женщины, вдохновляющей художников и поэтов на создание своих шедевров. Андре тайком любовался сексуальной красотой, которая делала ее еще более желанной и любимой. Она лежала перед ним обнаженная и открытая, не скрывающая своих эмоций и желаний, чем приводила в ошеломительный восторг и подогревала желание владеть ее телом всегда, любить ее всю без остатка и отдаваться этой любви без страха и моральных преград. Не выдержав более его ласк, Мари застонала и стала молить его о том, чтобы закончить ее муки ожидания. Он прижался к ней всей телом, поцеловал в губы и осторожно, раздвигая коленом дрожащие ноги, вошел в ее лоно, вызвав громкий стон наслаждения и радости. Он медленно поднимался над ней, опускаясь, целовал распухшие губы и ласкал рукой все тело, стараясь унять ее дрожь, но через мгновение, она вся напряглась так, что окаменели все ее мышцы, и закричала от сильнейшей разрядки, освободившей тело от раздражающей сексуальной энергии. Андре был потрясен таким эффектом и поспешил закончить этот акт любви, чтобы дать ей возможность расслабиться и немного отдохнуть от столь сильного физического напряжения. Он понимал, что это связано исключительно с образом ее жизни, который не позволял ей получать наслаждения от секса за отсутствием такового. Она была слишком порядочной, чтобы откровенно изменять мужу, но именно Андре стал для нее тем единственным исключением, с которым она позволила себе такой огромный грех. И теперь, он станет любить ее еще больше, еще сильнее и преданнее. Он станет для нее рыцарем сердца и души. С ним она сможет обрести счастье и любовь, которое никогда раньше не постигала. Как сложится при этом их жизнь, он старался не думать, а надеялся лишь на волю господина.

Утро осветило весь небосклон приятным нежно-розовым оттенком. День обещал быть чудесным. По-весеннему нежным и теплым, словно зарождающаяся новая любовь заставила всю природу радоваться вместе с ее героями. Мари лежала в объятиях Андре, еще не проснувшись, но уже ощущая наступление нового дня. Андре не спал уже давно. Его голову терзали мысли о предстоящем походе, где ему отводилась роль хрониста, описывающего события со слов адмирала, лишь вставляя свои собственные замечания и дополнительные наблюдения. Его глаз был зорек и он мог заметить то, что никому кроме него не было видно. Представления о возможных битвах по пути до Константинополя смешивались с мечтами о Мари, которая сейчас была такой близкой и родной, но в ближайшее время останется далеко от него и будет являться только во снах и грезах. Увидит ли он ее снова, не было известно никому из них. Именно поэтому он хотел наслаждаться каждой секундой, проведенной рядом с ней. Вот только один вопрос мучил его: что если дож все-таки узнает о ее измене, что тогда? Он не пощадит ни ее ни его. Несмотря на гибкость его ума и выраженные дипломатические таланты, измену он простить не сможет, тем более перед столь важным историческим событием. Андре вспоминал о том первом визите во дворец, и о том, как дож отложил свое решение о вступлении Венеции в поход. Он несколько раз консультировался с Советом сорока и Большим советом. А после этого собрал Ассамблею, на которой должно было присутствовать все мужское население города, призванное одобрить данное решение. Огромная толпа людей собралась у Собора Святого Марка. Простолюдины стояли рядом со знатными вельможами и слушали обращение, сначала от французских рыцарей, а затем и от правителя Республики. После мессы Дандоло попросил французских рыцарей выступить перед народом и просить участвовать в походе. Адмирал долго говорил о богатствах Палестины и Египта, о том, как изменится жизнь всех участников похода, обещал проявить милость к плененному Иерусалиму и отомстить за бесчестие Христа. Потом он замолчал и ждал реакции венецианцев. Толпа грянула свое согласие так, что содрогнулась земля. Дандоло даже прослезился, услышав это. Пока французский адмирал говорил свое обращение, он неподвижно стоял немного позади и сминая правой рукой широкий рукав длинного плаща, чтобы скрыть свое волнение. Он любил свой народ, любил Республику больше себя самого и всегда готов был жертвовать ради нее всем и собою в том числе. Энрико Дандоло обратился к своему народу со словами: «Я старый человек, и уже остро нуж-

даюсь в отдыхе, но мне кажется, что именно я должен возглавить флот, ведь мне столько лет приходилось вести дела с Константинополем, который я знаю не понаслышке! Я сам поведу вас в этот поход!». Андре смотрел в толпу и видел, как многие из собравшихся горожан смахивают слезы со своих глаз, настолько трогательно произнес дож свою речь. Люди были тронуты готовностью этого слепого старика, пожертвовать собой ради святого дела, и вновь оглушительным кличем выразили свое согласие. Дождь, смахнув слезу со щеки, стал на колени перед алтарем. На его широкую шляпу нашили большой крест, чтобы все могли его видеть и следовать за ним. Теперь все корабли флота были укомплектованы воинами. Венеция собрала войско, необходимое для похода. Андре был потрясен увиденным и поспешил во дворец, чтобы описать то, что произошло на площади. Он постоянно вел свои записи, чтобы не упустить важные детали и подробно описывал лица людей на площади, их эмоции, горящие глаза и сдерживаемый боевой дух. Когда дож и его свита, покинули площадь, люди еще долго не уходили. Обсуждали речи, призывы иностранцев, необходимость своего участия в походе, пополнение казны и собственное обогащение. Им всем хотелось увидеть богатые заморские города, посмотреть на другую жизнь, не похожую на ту, что они ведут в лагуне, разбогатеть за счет этого похода.

Мари шевельнулась и открыла глаза. Андре потянулся к ее розовым красивым губам, а она ответила ему взаимностью. Его мучила совесть после ассамблеи, ведь он понимал, что пожилой дож может не выдержать похода. И неизвестно, какая судьба ждет Мари в случае, если Дандоло не вернется в Венецию. Чувствуя, как твердый сосок Мари касается его кожи, Андре подумал о том, как они могли быть счастливы вместе, став семьей. Их ребенок мог унаследовать ее красоту и его тонкий ум. Но как воспримет появление ребенка Совет? Сможет ли он унаследовать фамилию дожа или навсегда станет изгоем? Править Республикой во время отсутствия Энрико будет его сын от первой жены, Раньери. Умом и талантом отца он не обладал, но мудрость у него была определена. Поэтому именно от него зависела бы судьба Мари в случае смерти дожа. Андре не знал еще, какая судьба уготована ему. Поэтому его мечты пока оставались только мечтами. После сладостного поцелуя, Андре спросил, смогут ли они остаться в домике на острове до полудня. Мари согласилась, отметив, что после должна будет вернуться во дворец, чтобы успеть к вечерней мессе в Соборе. Она думала лишь о том, как незаметно вернуться в свои покои. Дождь вряд ли заметит ее отсутствие, поскольку постоянно находится на совещаниях и мероприятиях по подготовке к походу. Андре свернул в рулон несколько чистых листов бумаги и перевязал его лентой. Он попросил Мари надеть Маску и осторожно сесть в гондолу, пока он отвлечет гондольера. Мари кивнула и снова прижалась к Андре, вызывая у него приступ нежности, которую сдержать он, никак не мог и увлек ее в постель. Они простились при выходе из дома, и Андре попросил Мари быть как можно более осторожной, не привлекать внимания гондольера. Он подошел к нему и попросил передать письмо для догарессы драбанту у дворца. Тот кивнул в ответ и оттолкнул гондолу от причала. Мари уже была в лодке. Она всю дорогу внимательно следила за молоденьким парнем, искусно управлявшим гондолой и постепенно успокоилась. Он ничего не замечал, о чем-то думал, изредка улыбаясь уголками губ. Видимо вспоминал кого-то. Мари смотрела на водную гладь, на горизонт, на приближающиеся очертания куполов Собора. Войдя в Большой канал, гондольер оживился и смотрел по сторонам, словно ожидал кого-то увидеть. Подойдя к причалу у дворца, он стал привязывать лодку к столбу, и в этот момент Мари выскочила на причал, слегка качнув гондолу. Парень подумал, что это набежавшая волна и не придавал этому значения. Мари бросилась к дворцу, быстро миновав драбантов, и поднялась по Большой лестнице внутрь. Гондольер, не спеша подошел к стражнику, передал письмо и вернулся к причалу, надеясь заработать еще пару монет до наступления ночи. Мари вошла в приемную палату перед своими покоями и увидела, что три девушки стоят прямо у двери и обсуждают вчерашний вечер. Ей надо было войти в комнату, но открыть дверь она бы не смогла. На ее счастье, в помещение вошли несколько офицеров и пригласили девушек прогуляться в гале-

рее. Те с радостью согласились. Мари проскользнула в спальню и закрыла дверь на замок. Надо было немного полежать в постели, унять волнение и придать себе отдохнувший вид. Через полчаса она встала, потянула за кисточку толстого крученого шнура, приводящего в движение колокольчик, который висел в комнате служанки, и замерла в ожидании. Служанка постучала в дверь, Мари открыла и распорядилась приготовить ванну.

– Слушаюсь, госпожа! Через полчаса все будет готово! – ответила та и скрылась в купальной комнате.

Мари подошла к гардеробу, чтобы выбрать платье для мессы. Она хотела надеть что-то неброское, не слишком нарядное, поскольку предстоящий поход должен был принести не только богатства Республике, но и потери среди военных. К тому же ей не хотелось привлекать к себе слишком много внимания, чтобы иметь возможность покинуть дворец вечером и отправиться на остров. Остановившись взглядом на светло-сером платье с белым кружевным воротником и расшитым серебром подолом, она улыбнулась и достала его из гардероба. Когда вошла служанка, Мари кивнула на платье и та все поняла. Проводив госпожу в купальню, девица поинтересовалась, нужна ли ее помощь и, увидев отрицательный взмах руки Мари, вышла. Она взяла платье и отправилась готовить его к одеванию. Мари погрузилась в воду и закрыла от наслаждения глаза. Ароматные масла, добавленное в воду делали свое дело. Она расслабилась и задремала. Когда вернулась служанка Мари, вздрогнув от скрипа двери, открыла глаза.

– Ваше платье готово, госпожа! – тихо сказала девица и взяла со стола полотенце, чтобы помочь Мари.

Когда Мари была готова к выходу, служанка позвала девушек, что сопровождали доггерессу к мессе, и вернулась убирать купальню. Вся свита направилась во двор дворца, чтобы пройти в Собор Сан-Марко. Мари шла, стараясь ни на кого не смотреть, чтобы не завязывать беседу. Ей надо было как можно быстрее удалиться из Собора после службы, а любые разговоры всегда приводили к продолжению беседы в каминном зале ее покоев или в зале, где обычно собиралась по вечерам знать. Она нервничала и боялась, ведь это была ее первая измена мужу. Она еще толком не понимала, чьего гнева боится больше, самого дожа или господа. Выходя в галерею, она увидела множество людей, заполнивших двор. У фонтана стоял дож и разговаривал с кем-то из Совета Десяти. Мари не могла разглядеть лица собеседника, но его одежда говорила о его важности. С Площади Сан Марко доносился шум города, многолюдного в этот час. Выкрики торговцев смешивались с людским гомоном и скрипом телег, на которых выкладывали сувениры и всяческие безделушки для вечерней торговли. С шумом взлетали стаи голубей и чаек, заглушая веселые песнопения гондольеров и торговцев. Жизнь в Венеции кипела и останавливаться не собиралась, ни смотря, ни на что. Мари почувствовала некую тоску в душе, поскольку после отхода флота из Венеции, в городе станет несколько тише и печальнее. И Мари тоже останется одна. Ей захотелось немедленно отправиться на остров Мурано и броситься в объятия Андре, но ее взгляд снова уловил одежды дожа и она слегка покраснела. Как же тяжело было сейчас ее душе, готовой выпрыгнуть из тела и унести туда, откуда она сама вернулась не так давно. Интересно, – думала она, – Что сейчас делает Андре? Наверное, занимается своими хрониками, или быть может, пошел в собор, что у его домика, или стоит на берегу и смотрит вдаль, ожидая появления своей возлюбленной, такой недоступной и такой родной. Она даже вздохнула от посетившей ее сознание мысли, и образ любимого мужчины заставил прикрыть на секунду глаза. Никто не заметил ее внезапной перемены и она, воспользовавшись тем, что девицы разглядывали толпу во дворе, снова вернулась в свои грезы. Теперь она думала о молитве к деве Марии о своей грешной душе. Мысли об измене терзали ее, но еще больше мучила боль предстоящей разлуки. Только обретя настоящую любовь, она должна была ее потерять на неопределенное время, и быть может даже навсегда.

– На все воля божья! – думала она.

Спускаясь из галереи во двор, Мари увидела драбанта,двигающегося ей навстречу. Она вздрогнула от мысли о том письме, что передал для нее через гондольера Андре. Что она станет объяснять дожу, если кто-то заметит и доложит ему о письме? Так и вышло. Драбант остановился перед ней в поклоне и протянул письмо. Мари выхватила его из рук молодого человека и быстро спрятала под плащ. Девушки не придали особого значения этому письму, поскольку догарессе часто передавали какие-то прошения и жалобы. Перед мессой она бы не стала его читать, поэтому ее действия не вызвали ни у кого вопросов. Проходя мимо мужа, Мари присела в поклоне и поприветствовала его.

– Как Ваше самочувствие? Как проводите время? – спросил дож, глядя невидящими, но удивительно красивыми голубыми глазами на нее. Если бы собеседник не знал о слепоте дожа, то понять, что он незрячий было совершенно невозможно. Кто-то говорил, что Энрико потерял зрение во время досадного недоразумения, вечерней драки в Константинополе, оказавшись случайно на неблагополучной улочке, он ввязался в драку и неудачно упал, повредив голову, после чего и потерял зрение. Энрико Дондоло был привлекательным и крепким мужчиной, несмотря на свой возраст, и его можно было любить крепко и страстно, но Мари не смогла преодолеть уважение и трепет перед ним, так и оставалась его подданной и не более. Об их семейной жизни никому не было известно, поскольку приходя в ее покои, он сразу же отправлял слуг в приемные палаты, оставляя у дверей перед гостиной комнатой одного драбанта. В случае непредвиденных обстоятельств, он мог звонить в специальный колокольчик, закрепленный над дверью. Мари любила беседовать с ним обо всем. Он был очень умным и интересным собеседником. Рассказывая о своих приключениях и миссии в Константинополе, он приводил яркие примеры своей дипломатической жизни, но никогда не рассказывал о политике. Ее пленяли рассказы о сказочной красоте дворцов и соборов, богатстве жителей, красоте женщин, храбрости мужчин. Она даже не мечтала когда-либо увидеть все это своими глазами, а представляла себе, как красочный мираж, описываемый в старых сказаниях. Их редкие вечера в ее покоях, становились для Мари чем-то волшебным, ведь Энрико умел своими рассказами ввести ее в незнакомый мир, словно художник, рисуя фрески в ее сознании. Она была очень благодарна ему за такое трепетное и нежное к ней отношение, словно к маленькой дочери, готовой впитывать в себя все, о чем рассказывал ее мудрый отец. И вот теперь, когда она встретила «принца» из детских сказок, ей было невозможно стыдно, словно она обманула своего отца, тайком срывая запретные плоды в его любимом саду. И вот теперь, когда возможно он нуждается в ее любви и поддержке перед очень серьезным испытанием, она покидает его и предается любви с молодым красавцем, старательно убеждая себя в том, что любовь это дар божий и пренебречь им, значит остаться без шансов на счастливое будущее. Она думала, что если упустит эту малую возможность испытать настоящие, сильные чувства к мужчине, то всегда будет сожалеть и оглядываться назад с тоской о несбывшихся мечтах.

В своих размышлениях, Мари не заметила, как подошла к Собору. Поднимая голову к белым куполам, она вновь восхищалась красотой и богатством убранства этого необыкновенного храма господнего, сверкающего разноцветными огнями золота, опалов и перламутра. Все портики его были выложены дивной мозаикой и украшены алебастровой скульптурой, прозрачной как янтарь, изящной как слонобая кость. Пальмовые листья и лилии, виноградные гроздья и гранаты, птицы, то порхающие, то цепляющиеся за ветви, – все сплеталось в бесконечную сеть бутонов и перьев, а среди них – торжественные фигуры ангелов со скипетрами, в белых одеяниях до пят. Силуэты их расплывались в сиянии позолоты. Она смотрела на колонны из камней редких расцветок: яшмы, порфира, темно-зеленого в звездочках снежинок серпентина и разных сортов мрамора. Их капители красовались переплетающимися ажурными узорами, пучками трав, листьями винограда и аканта, мистическими знаками. Все начиналось и кончалось крестом, заставляя замереть в благоговейном страхе. Мари стала испытывать некоторое волнение от осознания значимости всех орнаментов и изображений, укра-

шающих собор. Все несло в себе тайный смысл. На верхних портиках непрерывная цепь письмен и картин жизни: ангелы, небесные знаки, дела человеческие, а над всем этим еще один ряд сверкающих росписей с белыми арками, увенчанными алыми цветами – восхитительная вакханалия, над которой сверкает лев святого Марка, вознесенный на усыпанное звездами голубое поле. Она и раньше восхищалась Собором, но сейчас, впитывая всей душой красоту и величие этого строения, она видела весь мир как-то по-другому. Всплывали в памяти рассказы дожа о византийских храмах, где каждый рисунок, каждый ангел и каждая картина доносили до прихожан тайный смысл Завета. Девушки рядом с ней нетерпеливо суетились, не понимая, что остановило догарессу перед входом в Собор, и она словно опомнившись, сделала шаг к главным воротам. Входя внутрь, она немного замешкалась, давая глазам привыкнуть к сумраку внутри огромного сводчатого зала. Свет, проникающий через узкие отверстия вокруг куполов, освещал золотой зал, словно выдолбленный в нефритовой горе в форме креста. На стенах были прикреплены факелы и серебряные лампы, горящие в нишах капелл. Позолоченный потолок, отражая свет, словно возвращал лучи обратно, переливаясь по всему Собору. Как же она раньше не замечала всей этой красоты? Мари стояла в недоумении. За один день все в ее сознании поменялось, мир стал другим, жизнь наполнялась смыслом и многое прояснилось. Она никогда не задумывалась о том смысле, что вложен мастерами в каждое изображение мозаики, в каждую надпись на стенах и потолках, не видела перед собой всего буйства красок, бегущих по полу и стенам, не видела как луч из окошка-звезды освещает нимбы над головами изваяний святых, которые озарив прихожан, возвращаются обратно во мрак. Под ногами и над головой она видела множество образов, непрерывный ряд картин, как во сне переходящих одна в другую, смешение форм прекрасных и ужасных немного смущало Мари, и она рассмотрела драконов, змей, кровожадных хищных зверей, среди которых появлялись дивные птицы, пьющие из каменных фонтанов. Другие кормились из хрустальных ваз. Все это показывало страсти и наслаждения человеческой жизни, символически представленные разом. А дальше тайны их искупления, поскольку все переплетенные линии и сменяющиеся картины, в конце концов, неизменно приходили к Кресту, воздвигнутому или высеченному в каждом уголке, на каждом камне, либо обвитом змеем вечности, либо с голубками, примостившимися под переключиной. Проследив взглядом все лабиринты картин и изображений, Мари смотрела на большой крест над алтарем, возвышающийся на огромной поперечной перегородке, ярко сияя на фоне затененной апсиды. Над этим крестом, постоянно горящим в центре храма, на самом вершине, в каждом куполе, в каждом углублении потолка была изображена фигура Христа. В одном месте восставшего, в другом возвращающегося вершить суд. На последнем взгляд Мари остановился, и она долго еще стояла в оцепенении, разглядывая затянутую пеленой курящегося ладана, вершителя. Хор запел молитву. Шум в соборе прекратился, все склонили головы в усмирении и вторили протяжную мелодию молитвы. Мари оглянулась назад, к боковым нефам и капеллам и увидела вычерченный на мраморе нечеткими линиями, силуэт женщины, стоящей возведя глаза к небесам, с надписью «Богоматерь». Не поворачивая головы, Мари стала читать молитву о прощении, обращаясь именно к ней. Никто из ее свиты не обратил внимания, как из ее глаз одна за другой катились слезы. В неистовстве внутренних терзаний, она молила мать всевышнего просить господина о прощении. Затем снова повернулась к алтарю и так стояла уже всю мессу, до конца, ни разу не подняв глаз и не произнеся ни звука. Она даже не пошла к своей скамье, отгороженной бортиком и скрытой от остальных горожан бархатным балдахинном, где обычно слушала мессу, так и оставалась стоять напротив алтаря, привлекая внимание знатных дам, обожающих всякого рода сплетни. Когда вся свита во главе с ней покидала Собор, она все еще находилась в трансе от молитвенных слов, произнесенных внутренне, но особенно страстно. Оглянувшись назад, она снова посмотрела на фасад Собора, воскрешая в памяти рассказ мужа о том, как он строился, и как его украшали, приглашенные из Константинополя художники. Они создавали эскизы мозаики сводов Собора и подбирали цветовые сочетания

в его порталах. Дождь заставлял своих мастеров перенимать систему работы греков, чтобы после самостоятельно украшать как сам Собор Святого Марка, так и другие церкви города. И венецианские мастера старательно учились у греков, чтобы еще более усовершенствовать их искусство и добавить больше цвета и богатства своим фасадам. Ее отвлекли от мыслей выкрики драбантов, отгораживающих Мари со свитой от толпы патрициев, пытающихся рассмотреть догарессу как можно ближе. Все знали о ее красоте и обаянии, и именно любопытство толкало людей убедиться в этом. Мари улыбнулась своим подданным и, чтобы не обижать их помаха рукой приветственным жестом. Из толпы послышалось восторженное: «О-о-о-о-х!». Она вернулась в суетный мир и только теперь заметила, как прекрасна Венеция в предзакатном сиянии светила и как хороша жизнь, когда в ней есть любовь. Мечтательно глядя вдаль, она мысленно возвращалась в домик Андре, обнимая его упругое и желанное тело. Ее окликнули. Мари остановилась.

– Ваша Светлость! – обратился к ней какой-то знатный господин, – Позвольте передать Вам письмо от некоего господина, пожелавшего остаться неизвестным!

– Что за письмо? – удивленно вскинув брови, спросила Мари.

– Он сказал, что это очень важно и срочно! И больше ничего. Сел в гондолу и исчез в одном из каналов! – склонив голову и протягивая свиток из желтой грубой бумаги, перевязанный жесткой веревкой, ответил патриций.

Немного помедлив, Мари кивнула девице из своей свиты и та взяла письмо. Дальше вся свита двинулась ко дворцу, сопровождаемая драбантами из дворцовой охраны. Мари не брала письмо из рук девушки, приказав отнести его в гостиную, в ее покоях. Она боялась читать его в присутствии других людей, чтобы ее реакция не вызвала ни у кого вопросов. На миг ей показалось, что это какая-то нехорошая весть от Андре, но вспомнив, что он перевязывал свои письма шелковыми лентами, она успокоилась. Хотя некоторое волнение все же испытывала. Почему письмо передали через посредника? Может, автор постеснялся своего облика? А, возможно, просто испугался ареста за то, что там написано. Мари думала о письме не больше трех минут, затем ее мысли, снова прервал гомон народа на Пьяцетте. Все последние дни люди пребывали в возбужденном состоянии и непрерывно обсуждали Крестовый поход, который представлялся им весьма туманно, поскольку четкой цели его, кроме обогащения, никто не понимал. Многие не верили французам, понимая, что такой дорогостоящий поход не мог организовываться лишь за тем, чтобы отомстить за унижения Христа. Некоторые твердили о том, что их правитель явно имеет собственные планы на укрепление влияния самой Венеции и его самого в том числе, что как раз было недалеко от истины. А некоторые считали поход сделкой, чтобы разбогатеть и постараться взимать дань с захваченных территорий еще многие годы. Но во всех разговорах основой было личное обогащение каждого воина. Мари слышала лишь части фраз, по которым вполне можно было сложить целостное суждение. Ей было жаль свой народ, в неистовой жажде обогащения, принимающий риск умереть за призрачные блага, но вернуть их мысли к своим домам и семьям, которые могут остаться без кормильцев, она не смогла бы, даже если захотела. Она сама была одной из тех женщин, которым предстоит долгое и томительное ожидание завершения похода и возвращения мужа назад, в Венецию. Однако о своем любовнике она думала отнюдь не меньше, а даже больше, чем о муже. Вот именно его дальнейшая судьба могла быть более непредсказуемой в этой ситуации. В Венецию возвращаться ему ни к чему, ведь его родиной является Франция и именно туда он должен вернуться в колонне победителей. И что касается ее лично, то представить себя рядом с ним в этом победном марше она уже никак не могла. И не хотела. При всем своем влечении к Андре она глубоко уважала своего мужа и любила свою неповторимую Венецию, подарившую ей сказку наяву. Став догарессой, неожиданно для всей ее семьи и даже всех приближенных к правящей семье, она уже тогда поверила в чудо. И вот теперь, когда судьба подарила ей еще и счастье полюбить, она боялась за расплату, неизбежно ожидающую ее впереди. И мысли об этом

не придавали ей теперь ни радости, ни веры в счастливые моменты будущих лет. На площади перед дворцом царила суэта и веселое безумство. «Венеция – веселый город с добродушными людьми, не знающими ни ненависти, ни страданий; они тонко чувствуют музыку, ибо самому языку их присуще веселье» – писал в своих заметках Андре, а Мари однажды заглянула в журнал одним глазком и прочитала эти поэтичные строки о своем городе. Он писал: «Горожане поют на улицах, площадях и каналах, торговцы поют, продавая свои товары, рабочие поют, возвращаясь с работы, гондольеры поют в ожидании своих господ. Основой венецианского характера является веселость, а основой венецианского говора – шутливость». Именно в данный момент, вспомнив эти строки, Мари обратила, наконец, внимание, на этот привычный для нее и исключительно интересный признак города. Действительно, на площади царило веселье и легкость, все говорили с улыбками на лицах, шутили, кто-то дурачился и разыгрывал приятеля, кто-то увлеченно призывал покупателей к своему товару, девушки хихикали, поглядывая на французских военных, молодые парни передразнивали их и кидали какие-то скомканные шарики цветной ткани в их сторону. Гондольеры распевали протяжные песни, а знатные дамы, просто прогуливались мимо дворца к набережной, под руку с кавалерами, разглядывая прилавки с разноцветными украшениями и бросая короткие взгляды на свиту Мари и на нее саму. Никогда ранее, Мари не рассматривала так внимательно горожан и не задумывалась о смысле жизни, возможно потому, что в ее жизни и не было много смысла.

Вернувшись во дворец, Мари первым делом решила выяснить планы мужа на предстоящий вечер. Ей важно было знать, когда она сможет покинуть дворец незаметно, чтобы все были заняты чем-то интересным для них и не обращали ни на кого внимания. Пройдя в его покои, она застала в приемной палате французского аристократа Жоффруа де Виллардуэна. Именно он был одним из организаторов Четвертого Крестового похода и должен был возглавить его вместе с Дандоло и Бонифацием Монфератским. Мари поняла, что в этот вечер ей нечего опасаться и, увидев выходящего из внутренней двери дожа, тут же кинулась к нему и попросила не присутствовать сегодня на ужине, по причине своей крайней усталости и головокружения. Дож предложил вызвать лекаря, но Мари отказалась, попросив его разрешения отправиться в свою спальню и уснуть для скорейшего выздоровления. Он, немного помолчав, согласился и просил ее утром не выходить из спальни, а провести в постели как можно больше времени. Близился выход армии в море, и он хотел видеть ее на проводах в добром здравии, чтобы поднять дух не только воинов, но и их семей, остающихся в ожидании на долгое время. Мари поклонившись, поцеловала его руку и вышла из гостиной. Возвращаясь в свою половину, она вспомнила о письме и попросила его принести. Девушка, что несла письмо, отправилась в свою комнату, и за ней тут же послали. Письмо принесли, когда Мари была в своей спальне. Она взяла свиток и попросила не беспокоить ее до завтрашнего дня, пока она сама не вызовет кого-то из слуг. Отпустив девиц на вечерние игры в Малом зале, она присела на софу, стоящую у окна и, развязав веревку, открыла письмо.

Дорогая наша госпожа! Во спасение реликвии нашей, священного храма господнего, Собора Сан-Марко, обращаемся к Вашей Светлости за помощью. Утром сего дня, подслушали мы, рабочие судоверфи, странный разговор двух мастеровых. Хотят они, этой ночью устроить пожар вокруг Собора, чтобы захватил он сие величественное здание, нашу гордость и сокровище Венеции. А посему, весь народ кинется спасать его и многие погибнут, а кто останется, начнет строить его заново. И очевидно, что поход в Палестину не состоится. Помешать хотят они войне предстоящей, уничтожить Собор прежде, чем войско двинется в путь! Просим Вашей помощи! Преградить надобно им дорогу к святыне!

Отложив письмо, Мари сидела с широко открытыми глазами и молча смотрела в окно, на лиловую линию горизонта. Ужас охватывал все ее тело, не давая сделать ни одного движения. Она не знала, что надо предпринять, чтобы предотвратить поджог. А вдруг это письмо, простая шутка или попытка внести раздор в дела дворца? Почему письмо передали ей,

а не дожу? Она не знала, как ей поступить. Однако страх перед возможной потерей великолепного произведения архитектуры и искусства, становился все сильнее. Надо было усилить охрану Собора, но сделать это мог только сам дож. Мари выскочила из спальни и побежала через свою часть покоев на сторону мужа. Зацепив по дороге вазу с цветами, она даже не заметила этого и не слышала звон разбивающегося стекла. Не успевая объяснить ничего опешившим слугам, она ворвалась в покои мужа и сразу же крикнула: Ваша Светлость! Готовится заговор! У меня письмо!

Дождь резко повернул голову в ее сторону и сделал шаг навстречу, жестом указывая слугам покинуть помещение. Мари подошла к нему и вложила в руку свиток, чтобы он понял серьезность ее слов.

– Что там написано? Читайте! – тихо сказал он.

Мари развернула письмо и прочитала текст. Дождь молчал. После недолгой паузы, он прошептал:

– Это провокация! Вокруг Собора полно военных и разного народа, непрерывно снующего через площадь к лодкам! Кто рискнет прорваться с факелом сквозь колонны дворца, где полно военных и придворных драбантов? Этого не может быть! И почему письмо передали Вам? – более громко спросил дождь и взял Мари за руку.

– Мне неизвестно, Ваша Светлость! Я лишь прочитала текст и Вам решать, как поступать далее! – склонив голову, ответила Мари и ждала распоряжений мужа.

– Идите в свои покои! – только и ответил он. Потом подошел к столу, взяв колокольчик и резко взмахнув им, вызвал непрерывную трель молоточка.

Вошли слуги. Мари молча повернулась и, шурша длинной юбкой из тафты, быстрым шагом пошла в свою часть покоев. Ее мысли были сейчас у Собора Сан-Марко. Не дать вандалам уничтожить сокровище Венеции волновало ее куда больше, чем гнев дождя. Она боялась, что дождь не станет предпринимать каких-то действий, полагая, что письмо написано сумасшедшим интриганом, и все это не более чем провокация. А что если это правда? И тот же сумасброд, в самом деле, плеснет горючую смесь сквозь решетку главных ворот. Загорятся деревянные ворота, за ними вспыхнут масляные фитили в лампах, огонь перекинется на бархатные занавеси и картины. От одних мыслей об этом Мари холодела от ужаса. Она вернулась в спальню и села в кресло у окна. Мысли путались, но одно было ясно, она должна помешать заговорщикам, кем бы они ни были. Отдавать самостоятельно распоряжения драбантам дождя она не могла, но просить своих стражей проверить территорию вокруг дворца, канал, опоясывающий заднюю часть здания и галереи Собора, было вполне допустимо. Она вызвала одного из них и отдала распоряжение незаметно, не привлекая внимания, исследовать двор и прилегающие территории. Тот поклонился и вышел исполнять приказ. Мари встала и подошла к своему тайнику. Осторожно вынула завернутую в ткань Маску и положила на стол. Необходимо было найти платье, не слишком широкое и длинное, чтобы не запутаться в нем в случае опасности или бегства. Открыв гардероб, она увидела свое девичье платье, в котором ходила на уроки танцев и сразу же извлекла его из вороха расшитых жестких юбок своих нынешних туалетов. Перехваченная под лифом нежно-голубой широкой атласной летной, его легкая шелковая ткань струилась небольшими складками и лишь прикрывала ноги до щиколоток, чтобы движения в танце не сковывались, а обилие ткани не мешало разучиванию пируэтов. Вырез на груди был не слишком широким и рукава плавно облегли руки, сжимаясь у самой кисти вдернутым шнурком. Мари смотрела на платье и вспоминала свои юные годы, когда мечтой ее родителей было лишь выгодное замужество дочери, и к этому прилагались все усилия, а она мечтала о сказочном принце и большой любви. Вместо принца она получила короля, но платой за это было полное отсутствие любви в ее жизни. И вот теперь, надев свое девичье платье, она почувствовала себя юной девушкой, не скованной еще узами брака, лишившего ее всего, о чем она мечтала, но сделав знатной богатой дамой. Та девушка в ней проснулась от тяжелого

сна реальности и вновь стала свободной и желающей любить. Улыбка осветила ее лицо, и она подумала об Андре, который ждал ее на острове, не подозревал о том, что творится сейчас во дворце и что ждет Мари в ближайшие часы. Он надеялся в скором времени увидеть ее у себя в доме и готовился к этой встрече, украшая спальню цветами и расставляя свечи в канделябры. Незамысловатый ужин: жареные морские языки, каракатица в кислом соусе, приготовленный монахинями монастыря суп из риса к жареной свинине, затем шампиньоны, слегка обжаренные в ароматном масле, оливки и на десерт *fritolo*, нежные пирожные, приготовленные молоденькой служкой из козьего молока, сливочного масла, яиц и розовой воды. *Giulebbe*, фруктовый напиток, он сделал сам, под руководством монахини, что приготовила для него суп. Проведя часть вечера в хлопотах по организации ужина, который ему удалось собрать благодаря соседке, работавшей по вечерам в монастыре, он все больше воодушевлялся предстоящим свиданием с Мари и находился в весьма приподнятом настроении. Он хотел найти еще вина к трапезе и отправился к бакалейщику, живущему недалеко от монастыря, как объяснила женщина-соседка. Вина он купил немного, понимая, что Мари не станет пить больше одного бокала, а сам он хотел быть с чистым разумом, чтобы ничем не омрачить свидание. Возвращаясь к дому, он решил зайти в церковь и воздать хвалу господу за приобретенное счастье.

Тем временем Мари, облачившись в свое девичье платье кремового цвета, обула мягкие туфли, чтобы скрыть шаги по мраморному полу, покрыла голову тонкой вуалью и сверху надела Маску, чтобы она крепче держалась на голове. Подойдя к зеркалу, она увидела в нем отражение противоположной стены и, не мешкая, выбежала из спальни. Для того, чтобы убедиться, отправил ли дож драбантов к собору, Мари решила сначала пройти на половину мужа и послушать о чем там говорят и что происходит. Проходя по длинному переходу, украшенному византийскими колоннами и скульптурными группами, Мари не замечала всей этой красоты, она думала лишь о том, как быстрее оказаться в покоях дожа и понимать обстановку. Миновав приемную гостиную, она осторожно подошла к двери в личный покой и прислушалась. Похоже, в комнате никого не было. Она тихо приоткрыла массивную дверь и заглянула внутрь. Никого, не увидев, Мари проскользнула внутрь помещения и остановилась, оглядывая внутреннее пространство. Потрескивающие свечи были единственным источником звука. Она поняла, что дож все же не оставил ее просьбу без внимания и отправил к собору вооруженных стражников дворца, а сам видимо пошел в зал Совета, чтобы находиться ближе к собравшимся вельможам и рыцарям. Собираясь покинуть покои мужа, Мари пошла в сторону двери, но вдруг услышала за спиной шум. Кто-то тихо открывал окно спальни дожа. Скрип рамы был слышен отчетливо. Она замерла и остановилась. Шум прекратился. Мари потихоньку перешла к стене, разделяющей приемную со спальней, и остановилась у проема двери, отгороженного тяжелыми шторами. Через пару минут она снова услышала шорох и поняла, что кто-то пробрался в покои и обследует помещение. Затем, она услышала голоса. Шепот был достаточно хорошо слышен, чтобы разобрать, о чем говорят мужчины.

– Никого нет, влезай! – прошептал один.

– Понял! – ответил другой.

– Ты иди в следующую комнату, а я останусь здесь и разолью смесь! – продолжал диалог один из них.

Когда темный силуэт, закутанный в черный плащ, появился в проеме двери, Мари сделала два шага назад и остановилась. Она оглядывалась в поисках какого-либо тяжелого предмета, чтобы применить его как оружие в случае необходимости. Человек под плащом осматривал помещение и, поняв, что находится там один, скинул плащ и выудил из карманов две бутылки с неизвестной жидкостью. Он стал разливать ее по полу и на стены, на шторы и ковры. Мари поняла, что поджечь они решили не только Собор, но и сам дворец, или ту часть, где находился дож. Через пять минут из спальни вышел второй человек и, обращаясь к подельнику, достал большой, клинообразный нож.

– Когда войдет дож, быстро выбегай из укрытия и бросайся в окно, отвлечешь на себя внимание, а я накинусь на Дандоло и убью его! – говорил он, постоянно озираясь, – Затем, подожгу смесь и постараюсь выбраться, а если не смогу – уходи сам! Покинешь Венецию сегодня же! Никого не бери с собой и не кому ничего не говори, понял?

– Да, я все понял! Но может, позовем еще людей, чтобы мы могли справиться со стражниками? – спрашивал второй, несимпатичный, косоглазый мужчина с всклокоченными волосами и небольшой, редкой бородой.

– Не надо! Вызовем большой переполох и все погибнем! Если будем действовать быстро, паника от пожара будет нам на руку! – ответил главный и усмехнулся, – Эти тупоголовые поверили нашей сказке и помчались спасать Собор, не подозревая, что нам нужен Дандоло! Что проку поджигать храм, когда остановить поход можно только убив военачальника!?

Закончив свой монолог, он хрипло загоготал, но осекся, понимая, что может быть обнаружен и замолчал, испуганно глядя на дверь. Мари не знала, как ей поступить дальше. Сама она вряд и справится с двумя сильными мужчинами, но вызвать помощь она должна как можно быстрее, пока не вернулся дож. Любое промедление сейчас было на руку убийцам. Мари понимала, что, скорее всего, они пришли не одни и где-то есть еще люди, поджидающие дождя на случай, если эти двое будут обнаружены. Тут мужчины решили обследовать сундуки и ящики в комнате, и у нее появился шанс выскользнуть из комнаты. Она сразу же воспользовалась временной заминкой воришек и быстро выскочила за дверь. Она бежала в сторону галереи, решив найти командира драбантов и потихоньку, чтобы не вызвать паники, сообщить о том, что сейчас услышала. Сняв по дороге Маску, она увидела скучающего у колонны драбанта и велела срочно отвести ее к своему командиру. Тот, словно очнувшись ото сна, выпрямился и поспешил выполнять приказ. Они спустились в нижнюю галерею и там, в небольшом помещении под лестницей, нашли командира. Мари быстро объяснила ему ситуацию, попросила очень тихо и спокойно собрать отряд драбантов и отправить их в покои дождя, чтобы бесшумно схватить лазутчиков и обнаружить остальных, которые возможно прячутся во дворце или в лодке, на канале Рио дель Палаццо. Капитан обомлел от услышанного рассказа и несколько замешкался, обдумывая план действий. Действительно, спугнуть бандитов было никак нельзя, тем более вызвать шум и суматоху во дворце. Надо было усилить охрану дождя, который находился сейчас в правой верхней галерее дворца, что выходила на южную сторону Собора Сан-Марко. Он отправился туда в сопровождении военных и наблюдал, как они исследуют всю территорию вокруг Собора. Одного из драбантов послали привести к дождю епископа. Что происходило, никто не понял в тот момент, но теперь командиру все больше открывался смысл происходящего. В Венеции определенно готовился заговор против дождя с целью остановить Крестовый поход. Поняв всю серьезность ситуации, командир отправил драбанта, что привел догрессу, проводить ее в свои покои и оставаться у ее дверей до утра. Сам быстро собрал отряд из пятнадцати военных и, распределив всех по периметру покоев дождя, отправил выполнять задание по задержанию всех подозрительных личностей во дворце. Главное было не допустить возгорания покоев правителя. Мог загореться весь дворец и вновь огонь бы уничтожил его, как в 1106 году. Командир вместе с пятью драбантами побежал в покои дождя, и стремглав ворвавшись в помещение, махнул им, чтобы те быстро схватили бандитов, и кинулся на того, что рылся в большом комоду у задней стены комнаты. Вторым не успел опомниться от неожиданного появления военных и только обреченно ожидал своей участи. Резко скрутив его, двое драбантов связали его руки и сразу же вывели из спальни, где он находился, в приемные покои. Затем, их обоих быстро увели наверх, скорее всего в Канцелярию, а затем в тюремные камеры. Быстро окружив фасад дворца, драбанты схватили еще десять человек, которые вызвали подозрение, и в гондоле, курсирующей по каналу Рио дель Палаццо, действительно обнаружили троих мужчин с ножами и бутылками с зажигательной смесью под плащами. Тем самым, все участники заговора были обезврежены, и капитан мог спокойно вернуться в галерею дворца,

чтобы доложить об этом дождю. Пока во дворце стояла суматоха по поводу задержания неизвестных, проникнувших во дворец, Мари решила на поездку к Андре. Она знала, что ее не станут беспокоить в столь поздний час, тем более командиру драбантов известно, что она в своих покоях под охраной. Так что до утра можно было сбежать из дворца. Дождь был искренне удивлен всем тем, что произошло, и велел усилить охрану дворца и Собора, а так же организовать круглосуточное дежурство военных по городу. Нельзя было допустить никаких провокаций с целью срыва подготовки к походу. Он собирался поговорить с Мари утром и выяснить, как она оказалась в его покоях и почему бандиты ее не заметили. Она не имела права так рисковать собой, но, тем не менее, он был благодарен жене за столь мужественный поступок. По сути, она спасла ему жизнь.

Улучшив момент, пока драбант задремал у двери гостиной, Мари бесшумно выскользнула из своих покоев и побежала к выходу из дворца. Дверь была уже закрыта, и ей пришлось ждать очередной смены караула, чтобы покинуть дворец. Очутившись на набережной Рива дей Скьявоне, она искала гондолу, что повезет кого-нибудь на остров Мурано. Гондолеры выкрикивали призывы отправиться в сторону, где живут они сами, в том числе и на острова. Один из них, заметно уставший, что было видно по его лицу и тихим выкрикам: «Мурано! Мурано!», очевидно потерял надежду найти пассажира и присел на причал, рядом со своей гондолой. Мари подошла ближе к его лодке и стала вместе с ним ждать пассажира. Только через полчаса к нему подошел мужчина, очевидно рабочий из дворцовых хозяйственных мастерских, и устало махнув в сторону гондолы, стал устраиваться в удобной кабинке-карете, только вместо колес, она была установлена на лодке. Мари опростелью кинулась к гондолой и потихоньку пробралась назад, спрятавшись от ветра под растянутым тентом. Пока лодка шла к острову, она успела сильно замерзнуть в своем легком платьице и еле двигаясь, покинула гондолу последней, уже после того, как гондольер привязал ее к столбу у причала. До дома Андре она шла медленно, боясь не найти его в темноте, но он давно уже ждал ее появления – стоял на дорожке у дома. Мари сняла Маску и подошла к нему, сразу же очутившись в его крепких объятиях. Только теперь, когда расслабилась рядом с ним, она почувствовала, что от напряжения последних часов совершенно не имеет сил даже пройти оставшиеся три метра до двери. Андре сразу почувствовал это и, подняв ее на руки, внес в дом и посадил в глубокое удобное кресло рядом с украшенным белой скатертью, цветами и свечами столу с давно остывшим ужином. Мари смотрела на Андре широко открытыми глазами, почти не моргая. Он понял, что с ней произошло что-то неординарное, иначе она бы не выглядела такой опустошенной. Ее глаза не выражали какие-либо эмоции, но все же в них застыл то ли ужас, то ли страх. Он не мог понять, что с ней, но и расспрашивать не стал, пока она сама не скажет хоть слово. Просидев десять минут в полном молчании и глядя невидящим взглядом сквозь Андре, Мари, наконец, сказала: «Мне холодно!»

Андре подошел к ней обнял и прижал к себе.

– Я добавлю в камин дров, а ты садись поближе к огню! – сказал он и помог ей встать, чтобы переставить кресло к камину.

Пока она согревалась, Андре, подложив дров в камин, налил в бокал вина и протянул ей. Выпив полбокала, немного согревшись у огня, она начала говорить. Рассказывая о том, что произошло во дворце, она вся как-то сжималась, описывая сцены появления бандитов и последующее их пленение. Андре был искренне удивлен все этим, ведь само происшествие представляло угрозу для всей компании по подготовке к походу. Где гарантия, что неудачная попытка убийства дождя не станет поводом изменить тактику. Под угрозой остается еще Арсенал и все построенные галеры. Об этом надо было теперь думать более серьезно. И Андре понял, что рано утром им надо вернуться в Венецию. Мари могла бы очень помочь в предотвращении всякого рода злодейств со стороны противников похода. Но он скажет ей об этом завтра.

Согревшись у камина, Мари встала и подошла к Андре. Он обнял ее за талию и прижал к себе. Наслаждаясь запахом ее волос, он ощущал себя на седьмом небе от счастья. Мари была для него чудесным подарком судьбы, так неожиданно и так красиво прервав его одиночество. Он верил в то, что она послана ему свыше, и они больше никогда не расстанутся, будут вместе до конца дней. Но все же, предстояло длительное расставание, и эти мысли очень огорчали его, не давали наслаждаться моментом и все время возвращали в неизбежную реальность.

– Милый мой! О чем ты думаешь? – спросила Мари, немного отстраняясь от него.

– Я думаю о тебе! О том, как будешь здесь одна ждать меня или своего мужа!? Вернусь ли я из похода вообще?

– Не говори так, прошу тебя! – умоляюще глядя в его глаза, сказала Мари.

– Прости! Не хотел тебя огорчать, просто вырвалось! – поглаживая ее по спине, поспешил оправдаться он и предложил сесть к столу.

Мари, словно опомнившись, махнула куда-то в сторону и подошла к сервированному закусками столу. Андре поставил для нее кресло и помог сесть, затем, налил в бокал вино и сел на свое место. Он умело ухаживал за ней, чем вызывал ее восхищение и улыбку, наполненную счастьем и любовью. Когда они перешли к десерту, ни один из них уже не мог сдерживать желания поскорее оказаться в объятиях друг друга. Андре встал и, обойдя стол, подошел к Мари сзади и подал руку. Она положила свою руку на его ладонь и поднялась, тут же очутившись в его крепких объятиях. Андре стал кружить ее, словно в вальсе по комнате, не переставая обнимать и целовать ей руки. Она постепенно расслаблялась и уже не столь остро чувствовала усталость и напряжение последних трех часов. Она впервые оказалась в такой непростой ситуации и все еще не могла поверить, что все это происходит на самом деле. Это не сон, и ее действия и поступки играют очень важную роль не только в собственной личной жизни, но и в жизни многих людей, даже всей Республики, если задуматься глубже. Ведь что произойдет, если злоумышленники убьют дожа? Не только Крестовый поход будет под угрозой, но и судьба Венеции. Именно поэтому ей стоило быть осмотрительной и разумной. Нельзя было допустить промахи в своем поведении, чтобы не только не скомпрометировать мужа, но и не вызвать паники в городе. Но вот как рассказать дожу о заговоре, она не знала и надеялась получить совет у Андре, ведь его богатый военный и дипломатический опыт позволял давать оценку происходящему и увидеть выход из довольно щекотливого и сложного положения. Несмотря на то, что она безумно влюбилась в Андре, своего мужа уважать она не перестала, а в свете последних событий, возможно, стала уважать еще больше. Она искренне сострадала ему, понимая, что в своем непростом положении он становится во главе войска и принимает на себя слишком большую ответственность, и не только за свой народ, а еще за последствия, которые могут быть не столь благополучными для всех участников похода. Но она знала, насколько важен сейчас для Республики этот поход, ведь его целью является не только обогащение казны, но и расширение границ влияния Венеции и приобретение стратегических территорий для восстановления господства Республики на море. Поэтому мысли Мари возвращались на Риальто снова и снова, но, в конце концов, она сдалась во власть любимого и положив голову на его грудь, прошептала: «Я люблю тебя! Люблю больше себя самой!»

Андре остановился и замер. Он не верил своим ушам. Догаресса призналась ему в любви так, как это делают застенчивые молодые особы, впервые охваченные пылким чувством. Он опустил голову к ее плечу, и на ухо прошептал такие же теплые и нежные слова: «Счастье мое! Ты послана мне богом, и я не знаю, чем заслужил это, но клянусь, я отдам за тебя жизнь, если потребуется! И если господь позволит мне остаться в живых, я никогда не покину тебя и не откажусь от нашей любви, чего бы мне это ни стоило! Я буду любить тебя вечно!»

После этих слов, слезы появились в глазах Мари, сдерживать которые она никак не могла и даже не пыталась. Увидев как эмоционально восприняла она его признание, Андре поднял ее голову и очень нежно поцеловал, сначала опущенные веки, потом щеку, по которой текла

слеза, потом прикоснулся к губам, слегка подрагивающим от волнения, осторожно раскрывая их, для более страстного поцелуя. Когда чувства захлестнули их так, что сдерживать порывы не представлялось возможным, Андре поднял Мари на руки и отнес в спальню, где осторожно положил на кровать и стал раздевать, стараясь не причинить ей неудобства. Сняв с нее платье, он развязал шнуровку нижнего белья и просто отодвинул лиф, чтобы припасть губами к возделенному телу. Он целовал ее совсем еще девичью, упругую грудь, лаская руками бедра и красивые гладкие ноги, изнывая от желания слиться с ней воедино и доставить самое сильное удовольствие, которого она ждала не меньше, чем он сам. Мари застонала от возбуждения и стала обнимать Андре, крепче прижимаясь к нему, давая понять, что хочет любви и более настойчивых ласк. Андре быстро стянул с себя рубаху, развязав одной рукой плотно замотанный пояс, и стал целовать все ее тело, доставляя неземное наслаждение и постепенно переходя к основному действию, словно желал превратить ее страсть в пылающий костер, готовый сжечь ее изнутри, а затем вознести к небесам от полученного удовольствия любви. Они провели в постели больше трех часов, предаваясь нескончаемой нежности и любви, друг к другу, словно боялись упустить даже секунду, дарованную им в такой напряженный для Венеции и дворца момент. Каждый из них понимал, что это может последнее свидание, и они не смогут найти возможность встретиться наедине еще раз и поэтому старались взять все возможное от этого момента, чтобы сохранить счастливый миг в своей памяти и своем сердце навсегда.

Андре обнимал спящую Мари и думал о том, как непредсказуема, бывает судьба. Когда он только собирался в Венецию, ему казалось, что кроме денег и политики ее жителей ничего больше не интересует, но оказалось, что народ этой республики намного добрее и радушнее, чем европейцы, увлеченные бесконечными интригами правителей и жадных соседей, постоянно находящихся в соревновании за первенство владения миром. Жажда завоеваний и соперничество окончательно убили доброжелательность в душах его сограждан и жителей соседних государств, а Венеция жила светло и весело, не придавая особого значения статусу и положению людей. Не было ненависти и зависти, лишь некоторое тщеславие угадывалось в роскоши дворцов и одежде горожан. Волны из бархата и парчи, шелка и атласа переливались всеми цветами радуги на улицах и площадях Венеции, а улыбками и радостными лицами озарялось все пространство Риальто. Способных искренне и по-настоящему любить женщин, он уже и не мечтал увидеть. И вот, судьба преподнесла ему такой огромный по значимости подарок. Он полюбил всем сердцем этот сказочно красивый и праздничный город, его необыкновенных жителей и встретил свою единственную путеводную звезду, свою любовь, о которой не мог и мечтать – Мари. И эта прекрасная и опасная любовь заставляла его по-новому смотреть на мир, на жизнь, на все, что раньше казалось ему таким простым и естественным. Все теперь изменилось. Он больше не сможет жить как раньше, он сам изменился. Возможно, благодаря Мари, а возможно и этому маленькому, независимому миру, под названием Венеция, в котором правили любовь и радость, красота и очарование, возможность невозможного и сказочность реальности. Если бы он мог сделать выбор, то никогда бы уже не покинул этот город, на всю жизнь остался бы верен ему так же, как все его жители, остался бы верен Мари, которая перевернула его жизнь и полностью изменила представление о женщине. В ней он видел идеал, достойный поклонения, несмотря на то, что изменила своему мужу, она осталась верна ему в своей душе. Дождь был для нее олицетворением Республики, правителем мудрым и справедливым, верным своему народу и своим идеалам. Она поклонялась ему и очень уважала. Ее любовь к Андре уже не казалась такой порочной, как временная интрижка для развлечения скужающей знатной особы, она была намного выше и сильнее низменной страсти, она была подлинной. Мари знала, что ждет ее в том случае, если дождь узнает об этой любви, но сознательно нарушала запрет, она была готова к самопожертвованию. И не только за свою любовь к Андре, за любовь к Венеции тоже. Он был уверен, что Мари, не раздумывая, бросилась бы в объятый пламенем Собор, чтобы успеть спасти его, и так же она бросилась бы на заговор-

щика, желавшего убить ее мужа. Она была необыкновенной женщиной, достойной поклонения и любви. И он поклонялся ей, даже сейчас, когда она спала на его плече, и будет поклоняться всю жизнь, несмотря на разлуку и любые другие обстоятельства, мешающие им быть рядом постоянно. Он всегда будет ее ждать. Он знал, что принадлежит ей полностью, без остатка и пойдет на любые жертвы, чтобы только иметь возможность прикоснуться к ней хоть изредка.

Когда рассвет окрасил небо розово-серой краской, Мари все еще спала, но Андре осторожно положив ее голову на подушку, встал, чтобы собрать свои вещи. Он предполагал, что уже не сможет вернуться в этот домик и решил забрать все сразу, чтобы не пришлось оставлять свои записи и личные вещи здесь. Он быстро привел себя в порядок, сложил вещи в дорожную сумку и вышел из дома к причалу церкви, чтобы найти гондолу. Там никого не было и пришлось идти к знакомому гондольеру домой, чтобы разбудить его. Во дворец они должны были вернуться, как можно раньше, чтобы не обнаружить отсутствие Мари в своих покоях ночью. Сам же Андре собирался предстать во дворце якобы, с целью выяснить детали вчерашнего происшествия и попробовать добиться свидания с заговорщиками. Необходимо было как-то выяснить, что ждет в дальнейшем участников крестового похода и следует ли опасаться за жизнь дожа. Он не сильно верил, что сможет чего-то от них добиться, но попробовать было необходимо. Малый шанс тоже надо было использовать, чтобы предотвратить возможные трагические последствия. В таких раздумьях он шел к дому гондольера и увидел его уже направляющимся к своей гондоле. Он радостно поприветствовал Андре и сказал, что готов отправиться в город, если это необходимо, прямо сейчас. Андре кивнул и, пожав ему руку, пошел назад, в домик, чтобы разбудить Мари. Когда он вошел, она сидела в кресле у стола и ждала его, готовая вернуться на Риальто. Андре подошел к ней, обнял и нежно поцеловал в шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.